

18+

Александр Викторович
Соболев

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ

Александр Соболев

**Первым делом. Новая
редакция 2024 года**

«Издательские решения»

Соболев А. В.

Первым делом. Новая редакция 2024 года / А. В. Соболев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508045-5

Повесть «Можно все исправить?» о том, как главный герой Василич после смерти жены находит переход в соседний мир, где встречает супругу живой и здоровой вместе с их общими неродившимися в первом мире детьми. Он может приходить в гости в новый мир только на 3 часа один раз в месяц. Они ищут выход из сложившейся ситуации и находят портал в третий мир. И только начало...

ISBN 978-5-00-508045-5

© Соболев А. В.
© Издательские решения

Содержание

Можно все исправить?	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Первым делом Новая редакция 2024 года

Александр Викторович Соболев

© Александр Викторович Соболев, 2024

ISBN 978-5-0050-8045-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все имена, фамилии, места действия, даты и события в этой книге вымышлены. Любые совпадения случайны.

Можно все исправить?

День начался странно. Подходящее время, чтобы начать войну, – подумал Василич. А что? Лето, июль, тепло, трава, как провиант для боевой конницы, вымахала выше головы...

Вернее, даже не сегодняшний день, со вчерашнего полудня по душе скребли туманные мысли и неясные предчувствия. Спалось плохо, за ночь Василич просыпался раз пять, если не больше. В четыре часа окончательно открыл глаза и решил, что уже не заснет. Полежал для приличия с полчаса. Затем встал. Заскрипел половицами. Сходил в туалет, умылся, побрился. Вышел на улицу. Светало.

Вроде все, как всегда, но что-то не так. Василич посмотрел по сторонам в поисках ответа. Но мир не спешил открывать все свои тайны. Вчера он решил идти в лес за грибами. Целую неделю перед этим лил дождь. Сосед сказал, что пошли лисички и белые. А то без соседа он не знает, что пора грибы собирать. Промедление в грибном деле, смерти подобно. Надо идти сейчас или не идти вообще. Ведь через неделю грибы, кроме лисичек, станут червивыми и неприятно-склизкими. А это уже не дело. Но это не являлось истинной целью похода в лес.

Любил Василич деревья, ходил к березкам и сосенкам часто, на час или на два, а то и на весь день. Попутно за грибами или за хворостом, или даже просто так.

Но сегодня все шло наперекосяк, из рук вываливались любые предметы, нож высказал и застревал между половицами. Потом долго не мог найти любимую корзинку, которая нашлась, когда решил взять вместо корзинки пластиковое ведро. Затем запропастился рюкзак. Долго не мог найти сапоги. Как будто дом и утварь отговаривали:

– Не ходи, Василич. Одумайся, нет там грибов!

Но он не остановился. Не одумался. Правда, на сборы потратил непривычно много – целых сорок минут. В лес попал в только в начале седьмого.

Только среди березок Василич успокоился. Волнение ушло, как будто и не было. Мысли выстроились в привычный ряд. Так было не раз, в самой глубине лесной чащи всегда тихо и спокойно. Людей здесь не видно и не слышно. От людей все беды. А сегодня даже на краю леса не было слышно машин.

– Несмотря на то, что очень поздно, но я все равно первый? – довольно отметил про себя Василич. – Странно, почему люди боятся лес.

Настоящий грибник по краю леса не ходит. Пускай, здесь городские собирают, ему не жалко. Василич взял направление в самую глубину леса. Куда не каждый решится заходить. Но оно того стоило, места первобытно-красивые, чистый лес – ни тебе пластиковых бутылок, ни консервных банок. Крутые овражки и изумрудные ручьи. Человеческих следов нет вообще, разве что заячьи да кабаньи. Но лесные жители Василичу не враги. А грибы? Грибы в лесной глухомани, как в сказке. Ни в корзинке унести, ни ножиком срезать, ни взглядом окинуть. В глубине леса не встретишь человеческого следа. Настоящее единение, проникающее в самое подсознание, только ты и лес.

По краю ходить, настоящего удовольствия не получишь. Это как себя на уважать. Вся трава здесь и кусточки грибниками истоптаны. На каждом шагу валяются пивные бутылки и алюминиевые банки. Как будто в лес ходят одни алкаши. Им не грибы искать, а только природу испоганить. Только и натыкаешься на раздавленные грибы. Слепые они что ли?

Того и гляди, за ближайшим деревцом кто-то сидит, подсматривает за тобой или следит. Идешь тихо-мирно с корзинкой, то и дело здороваешься.

– Здрасьте, Михал Прохорович. Как здоровье супруги?

– Спасибо, хорошо.

– Ну, передавайте ей привет!

– Всенепременно. И вы тоже передавайте.

- Кому?
- Кому-нибудь передайте.
- Да мне не кому.
- Как так?
- Так получилось.
- Жаль, тогда...

Не лес, а проходной двор. Нет, так не пойдет. Василич не любил в лесу встречаться и с кем-нибудь разговаривать. Не место здесь для разговоров. Он всегда шел подальше от края. Туда, где можно молчать. Туда, где ни деревенских, тем более городских не встретишь.

Со дня смерти жены прошло три месяца. Долгих три месяца. А казалось, что прошла целая жизнь. Как же это было давно. Как в далекой прошлой жизни. Эта новая жизнь Василичу не нравилась, не приносила она ни радости, ни успокоения. Только в лесу находил он успокоение.

Маша по современным человеческим меркам умерла слишком рано. Было ей всего сорок шесть лет. Подхватила странную инфекцию, врачи развели руками, антибиотики не помогли, и сгорела его драгоценная супружница в течении десяти дней. Детей им бог не дал. Маша беременела, но все случаи заканчивались внезапными выкидыши. Как будто проклятие нависло над их семьей. И так семь раз подряд. Получилось, что Василич остался со своим горем один на один.

Тяжело было, совсем перестал спать. Тогда пошел в церковь. Соседи говорили:

– Правильно. Сходи. Успокоишься, найдешь смысл жизни.

Но ему там не понравилось. Привередливые бабки постоянно цыкали на него:

- Не так стоишь!
- Не правильно крестишься!
- Что ж ты так зыркаешь по сторонам?

В результате уходил из церкви домой в еще более подавленном состоянии. Но все равно ходил на все службы целый месяц. Думал, что так надо. Надо перетерпеть, это такое специальное испытание на его грешную душу, такой ему крест уготовил Всевышний. Но на тридцать первый день встал с утра и понял, что больше в церковь не пойдет. Никогда.

Часто потом ловил он недовольные и даже осуждающие взгляды себе в спину. Но все равно в церковь его не тянуло.

А в лес прямо магнитило. Василич часто уходил в лес рано с утра. Бродил до обеда, а бывало и до вечера, пока сил хватало. С каждым разом заходил все дальше и дальше вглубь. Постепенно лес приоткрывал свои тайные закоулки, Василич теперь узнавал знакомые места, поваленные деревья и приметные низины. Лес за их деревней простирался на многие сотни километров. Но он так далеко пока не заходил. Мечтал, думал и разрабатывал план, чтобы сходить подальше с ночевкой. Но побаивался.

Ночевать в лесной чаще он попробовал, но не полюбил: комары, муравьи, сыро и холодно. Ночной лес отталкивал, не для людей он. Мрачновато становилось после полуночи. Из-под коряг вылезали, казалось лесные духи и всякая нечисть.

– Все это выдумки, – успокаивал себя Василич. – Надо стоять на материалистической позиции. Смерть предрассудкам!

Головой-то он все понимал, но под ночь спешил домой. Ночное преображение леса ему пока не нравилось. Пока? Василич был уверен, что настанет день, и ночной лес примет его в свои объятия. Ну а пока в пределах однодневной ходьбы Василич нашел очень много интереснейших мест – поляны полные малины и земляники, поваленные деревья, как столы и стулья в царских хоробах, прозрачные и чистейшие родники. Чтобы не приводить сюда других лесников, он никогда не ходил в лес одной дорогой. Вот и сейчас взял немного правее, обогнул маленький ручей, и пошел по лесу новой нехоженой тропой.

Сейчас он вспомнил, как вышел из дома, собирался в церковь и неожиданно для самого себя свернул в лес. В нарядных ботинках, и наглаженных брюках, в почти ненадеванной куртке. В тот весенний в день в лесу местами еще лежал снег. Ярко светило солнце, на небе не было ни облачка. Василич не захватил с собой компас, и сверял маршрут по солнцу. Проходил по лесу весь день, и вышел к деревне с другой стороны, усталый и довольный.

Сегодня он тоже зашел в лес без компаса, небо было затянуто серыми плотными тучами, но Василич уже легко ориентировался в лесу по кустикам, приметным деревьям и знакомым пенькам. Грибов лезли из всех щелей и почти сами прыгали в ведро. Меньше, чем за пару часов наполнились рюкзак за плечами и пластиковое ведро на пятнадцать литров. И тут случилась неприятность, при перелазании через ручей зачерпнул сапогом воду. Василич на расстроился. Знак, наверное, такой – пора отдохнуть. Решил устроить привал на подходящей полянке, чтобы просушиться и отдышаться. Домой не спешилось. Благо подходящая полянка сразу и проявилась. Из-под облаков неожиданно выглянуло солнышко.

Рядом с поваленным бревном Василич развел аккуратный костерок. Снял мокрые сапоги и носки, и пристроил их на дереве рядом с костром. Постелил на влажную лесную траву плащ и хотел было вздремнуть, но сон не пошел. Василич поворочался, но странное предчувствие не давало расслабиться. Он встал, натянул еще просохшие сапоги. Отошел от полянки немного на север. Спустился в овраг. И увидел то, чего еще ни разу не встречал в лесу – черный овал пещеры.

– Вот это да! – у Василича перехватило дух от увиденного. Воображение быстро нарисовало тайные средневековые клады. А может здесь спрятана библиотека Ивана Грозного? Никто не знает, а она здесь. Вот она. Только руку протяни.

Василич пару раз глубоко выдохнул, дрожь в руках прошла. Огляделся. Кругом шумели кроны деревьев. Птицы, странным образом, примолкли. Вход в пещеру представлял собой почти правильную арку, высотой чуть выше головы, шириной тоже примерно метра два. Но Василич все равно нагнулся, и зашел в пещеру. В нос ударило тяжелой сыростью. Сделал два шага вперед и стало темно. Зажмурился, обернулся назад. А может вернуться? Вдруг пещера обвалится? Посмотрел внутрь и понял, что глаза уже привыкли к сумраку подземелья. Пол пещеры был почти ровный, глиняный, лишь изредка попадались камни и корни вековых деревьев.

С каждым шагом становилось все темнее и темнее. Вновь появилось желание вернуться. Василич обернулся, светлое пятно выхода уже почти не просматривалось. Надо дойти до конца, решил он.

Еще через пару минут он увидел лучик света в конце тоннеля...

– Как на тот свет, – пронеслась шутливая мысль.

Василич не испугался, лишь ускорил шаг. И очень быстро вышел на открытый воздух. Выход из пещеры с этой стороны был выложен кирпичом, на полу лежали плоские камни, аккуратно подогнанные друг другу так, что почти не оставалось зазоров.

Ко входу в подземелье подходила аккуратная, посыпанная кирпичной крошкой, тропинка. Справа от дорожки стояла широкая скамейка. На скамейке сидела девочка лет пятнадцати. Одетая она была в льняное светлое платье, косынка на голове, на ногах – чуни.

– Привет, – улыбнулся Василич и прищурился от солнца.

– Привет, ха-хи, – смутилась отчего-то девочка, протянула тряпочный сверток и сразу отвернулась. – Оденьте вот это.

Василич взял в руки сверток и в этот миг понял, что стоит совершенно голый. Резко прикрыл пах узелком. Отвернулся и нелепо засеменял обратно в темноту пещеры. Развязал сверток, там оказались льняные штаны, рубаха и лапти. Быстро облачился в новую одежду. Стало совсем хорошо.

– Извини, если что, – сообщил Василис, вернувшись к скамейке.

– Ничего страшного, – девочка лучезарно улыбнулась, как старому знакомому. – Если вдруг придешь в следующий раз, а меня здесь не будет, вот тут в избушке всегда лежит чистая одежда.

Девочка махнула рукой влево. Василич увидел рядом небольшое бревенчатое строение.

– Хорошо, договорились. Ну, давай теперь знакомиться что ли?

– Давай, меня зовут Елизавета, можно просто Лиза.

– А меня – Иван Васильевич, – Василич протянул руку для приветствия, приятная детская ладошка скользнула, сердце радостно застучало.

– Я знаю, – Лиза освободила свою ладонь, и пригласила за собой. – Я твоя старшая дочь. Ты только не пугайся. Это долго объяснять. Мама с братьями и сестрами нас ждут дома. Пойдем быстрее. Она тебе лучше объяснит.

Василич оторопел. Ноги подкосились. Присел на скамейку, сердце разогналось до двести ударов в минуту, как после стометровки. Воздуху отчаянно не хватало.

– Не может быть! – выдал из себя Василич. – Этого просто не может быть! Почему вы здесь живете? Почему я ничего о вас не знаю? Мама не умерла?

– Папа, родненький, – Лиза из-под лавки достала кувшин с водой. Василич жадно впился губами в спасительную жидкость. – Я сама не знаю, как тебе объяснить с научной точки зрения. У мамы, наверное, лучше получится. Еще у нас в поселке имеется Староста – Магнум Петрович. Он вообще хорошо разбирается в любых вопросах по мироустройству. Пошли домой, они тебе все объяснят. Пойдем?

Василич вылил часть воды на ладони, и брызнул себе на лицо. Полегчало. Посмотрел на новообетенную дочь. Да, глаза Машины, и улыбка такая же, почти одно лицо. Примерно так и должна была бы выглядеть их дочь. Неужели это правда? Неужели чудеса возможны?

– Удивительно, – только и сказал Василич, отводя глаза с Лизы.

– Отдышался? Тогда пошли, нас мамка уже заждалась. Нам надо торопиться. Времени остается мало.

– Пойдем, дочка.

Взявшись за руки, они спустились вниз по тропинке к поселку. В трехстах метрах от скамейки расположились деревянные строения. Из труб некоторых домов струился легкий дымок. Теплый ветерок доносил из деревни аромат свежее испеченного хлеба.

Отец с дочерью вышли на главную улицу деревни. По обе стороны от дороги расположились, похожие на старорусские, низкие деревянные дома, крытые соломой или тростником, но с резными наличниками. Перед каждой хатой располагался небольшой садик с цветами и декоративными кустами. Встречались редкие прохожие. Все уважительно здоровались, кланялись и улыбались. Одежда местных жителей не блистала разнообразием. Все были одеты в просторные льняные штаны и рубахи, женщины – в сарафанах. Василичу вспомнил старые советские сказки: красиво, тихо, спокойно, но не совсем реалистично, как на картинке.

Пройдя по главной улице примерно пятьсот метров, Лиза потянула отца во двор. Прямо на крыльце дома сидела Маша. И плакала. На ногах стоять не могла от радости, с покрасневшим от слез лицом, но зато живая и здоровая. И помолодевшая с тех пор, как Василич видел жену в последний раз. Сейчас ей нельзя было дать больше тридцати пяти лет. Красотка, да и только. Одета жена была, как и все в этом мире, в светлое льняное платье до пола.

– Здравствуй, Ваня! Как я рада тебя видеть! – голося на всю деревню, Маша бросилась навстречу мужу.

– Маша, не может быть! – как увидел живую и невредимую жену, на Василича напал паралич. – Ты жива? Не может быть!

– Может, Ванечка. Может, – Маша подбежала к мужу и кинулась ему на плечи, осыпая лицо и ладони влажными поцелуями.

– Не может быть! Не может быть! – шептал Василич и нежно обнимал жену, целовал, слизывал родненькие слезки с дорогих щек и губ.

– Я тоже не понимаю, как так вышло, – Маша сжала ладонями лицо Василича, отчего оно стало смешным и трогательным.

– Я так рад, что у меня нет слов, – Василич крепко обнял за плечи Машу, поглаживая широкими мужскими ладонями по спине, животу и ягодицам. Жена была родная, теплая, мягкая и живая! – Это так здорово! Я теперь тебя никуда не отпущу!

Супруги то обнимались, целовались и плакали, то отстранялись, чтобы убедиться не сон ли это.

– Рассказывай все подробно: что здесь происходит и как вы живете?

– Давай я тебя сначала познакомлю с нашими детьми, – улыбнулась Маша. – Ты, наверное, не ожидал, что у тебя здесь многодетная семья? Это Лиза, она старшая, ты с ней уже знаком. Потом по старшинству идут: Вася, Миша, Катя, Даша, Егор и Лена.

– Это все наши дети?

– Да, – смутилась в очередной раз Маша. – В это трудно поверить, но это так.

– Я даже не знаю, что сказать, – Василич развел руки, дети подбежали к папке под его могучие родительские крылья.

– Ты погоди, не перебивай меня, я постараюсь тебе объяснить, – Маша глубоко вздохнула. – Я, когда умерла, долго ходила по длинным коридорам, туннелям. Там было много лестниц, подвалов и комнат. Мне иногда попадались люди, и даже знакомые. Помнишь тетю Глашу из Бухловки? Вот она там была что-то типа завхоза. Потом меня вывели в поле, небеса прорезала яркая вспышка, и я попала сюда. Здешний распорядитель Магнум Петрович меня встретил, познакомил с нашими детьми и рассказал о правилах местной жизни.

– Ты помнишь, как ходила по коридорам небесной канцелярии?

– Да, помню, но теперь уже очень смутно. Постепенно воспоминания забываются, как старый сон. Предыдущую жизнь с тобой я помню очень хорошо. Помню нашу деревню, соседей, сад. Как мы с тобой жили, работали и любили друг друга.

– Я тоже тебя люблю, – слезинка сбежала по щеке Василича. – Сколько же тебе пришлось пережить, милая?

– И я тебя тоже люблю, – улыбнулась Маша. – Здешний мир очень странный, он не такой как наш, но жить можно.

– Почему ты решила, что это наши дети? – Василич погладил всех под детей по головкам, и ребятишки разбежались по палисаднику. – Может ты так хотела детей, что рада столь сладкому обману?

– Нет, нет. Что ты? – Маша замотала головой. – Я убеждена, что все дети наши. По возрасту, по полу – мальчик или девочка, всё сходится. Да и похожи они на тебя и на меня. Сам посмотри! Но дело даже не в этом. Главное в том, что здесь все такие.

– Какие такие? Не рожденные на Земле?

– Как бы тебе это объяснить? – Маша почесала затылок. – Пойдем в хату. Здесь мир нереализованных в прошлой жизни людей. Наши дети не смогли родиться там, а здесь они появились, вырастут и проживут собственную необычную жизнь. Я тоже получается, что не реализовалась как мать. А здесь я – счастливая многодетная мамашка. У нас в деревне много таких не родившихся детей и нереализованных в чем-то людей.

– А я как здесь оказался?

– А ты, мой герой, – Маша посмотрела на Василича широко открытыми блестящими глазами, – сильно по нам скучал. Скорее всего, больше по мне. Про детей же ты ничего не знал. Твоя печаль направила тебя на дорожку между мирами. Возможно, ты сможешь к нам приходить и навещать нас.

– Остаться я не могу? – с грустью спросил Василич. – Я хочу остаться. Мне теперь дома делать совершенно нечего.

– Нет, к сожалению, не можешь.

В это мгновение дверь в хату открылась, и в дом вошел мужчиной средних лет. Маша встала, поздоровалась и предложила гостю присесть за стол.

– Знакомся, Ваня, – это наш местный управляющий, Магнум Петрович. Он тебе многое расскажет лучше меня.

– Здравствуйте, Иван Васильевич, – мужчина протянул крепкую ладонь для приветствия. Василич ощутил в пожатии силу, решительность и, как нестранно, нестандартный ум. – Я, как сказала Мария, местный управляющий, распорядитель, директор – зовите, как угодно. Я обучаю новоприбывших, слежу за порядком, помогаю нуждающимся и руковожу общественными работами. В прошлой жизни, знаете ли, – мужчина улыбнулся, – хотел стать президентом Австрии, но во время президентской компании попал под автомобиль. Наверное, случайно. Хотя, полностью не уверен. Ну, да бог с ними. Все это уже не имеет значения.

– Вы из Австрии? – правая бровь Василича медленно поползла на верх.

– Да, – Магнум Петрович пожал плечами. – Здесь живут люди из самых разных стран мира. В нашей деревне, в основном, европейцы – русские, украинцы, поляки, французы, немцы и так далее. Для африканцев, американцев, азиатов и австралийцев существуют другие поселки. Мы с ними иногда контактируем. Наладить полноценное сотрудничество сложно, потому что расстояния здесь большие, а средств связи и нормального транспорта тоже нет. Даже обычных лошадей нет.

Василич слушал бывшего кандидата на пост Президента Австрии, его все не покидало ощущение нереальности происходящего. Сейчас он проснется и выйдет в лес на поляну, где его ждет полный рюкзак подосиновиков и лисичек.

– Вы знали при жизни русский язык? – спросил он. – Вы очень хорошо говорите по-русски.

– Это не совсем русский язык, – хитровато улыбнулся Магнум Петрович. – Здесь мы разговариваем на местном своеобразном языке. Его понимание закладывается при пересечении границы этого мира. Вы сейчас говорите со мной не на русском языке. Хотя вам кажется, что это ваш родной русский. И это так просто естественно, что мы о языке даже не задумываемся. Мне, например, кажется, что мы разговариваем на немецком.

– Хорошо, – Василич распрямился, потер ладони. – Ответьте мне на главный вопрос: почему я не могу остаться со своей семьей?

– Какие законы Вселенной здесь работают, я не знаю, – Магнум Петрович пожал плечами. – Почему здесь устроено так, а не иначе – неизвестно. Мы к такому пониманию пришли опытным путем. К нам иногда заходили люди из первого мира. Некоторые из них хотели остаться, но истечении трех часов, ворота закрывались, и неведомая сила выхватывала наших гостей отсюда и уносила, мы предполагаем, в свой мир. Но, вот беда, после такого принудительного возвращения, те люди больше не приходили сюда, никогда. Возможно, за нарушение правил перехода, они утрачивали дар перемещаться между мирами. Права на ошибку у нас с вами просто нет. Как сапер, проходчик ошибается только раз. Поэтому, если вы хотите хоть иногда видаться со своими родными, лучше соблюдать эти правила. Самое главное, это не оставаться здесь после закрытия перехода. Примерно через два часа проход закроется. Вам придется уйти.

– Как часто я смогу приходить? – Василич поискал глазами часы, не нашел.

– Вы вернетесь в свой мир примерно в то же время, когда ушли, – Магнум Петрович вдруг стал серьезны, ну прям премьер-министр. – Запомните дату, время и положение луны. Следующий раз вы сможете перейти границу примерно через двадцать девять дней. Коридор откроется при том же положении Луны. По этой причине, еще одно правило: когда вернетесь –

купите лунный календарь. Напоминаю, что проход открывается примерно на три часа. Милости просим, мы вас ждем.

– Ага. Спасибо, – кивнул Василич, как прилежный ученик повторил про себя «три часа, следить за положением Луны».

– Дело в том, что людей, способных проходить между мирами очень мало. Вероятно, для этого должно совпасть много факторов: вы должны скучать по ушедшему человеку. С момента смерти вашего близкого должно пройти не более семи месяцев. Видите ли, с течением времени боль утраты гаснет, и человек смиряется со своим одиночеством. Человек перестает думать о покойнике, эмоциональная ниточка обрывается. Сколько прошло времени с дня смерти вашей жены?

– Восемьдесят семь дней, – без запинки выпалил Василич.

– Что и требовалось доказать. Прошло бы пару лет, вы бы успокоились. Смертельная тоска испарилась бы. Энергетически-ментальный посыл очень важен для поиска дороги в параллельный мир. Пускай мы не отдаем себе отчет, но судьбоносные энергетические поля ведут вас в нужном направлении. Часто точки перехода располагаются в труднодоступных местах, в горах или даже посреди болот. Где находится ваша точка перехода?

– В глубине леса. От деревни шел часа три.

– Вот так-то, – Магнум Петрович довольно потер руки. – Кстати, такие люди, как вы, у нас на вес золота. Понимаете ли, мы мечтаем установить связь со старым миром. На это есть несколько причин. Например, многие хотели бы послать весточку родным. Дело в том, что наш мир вторичен, и люди здесь сильно скучают по прошлой жизни. Сегодня вы появились в первый раз, и мы не подготовились. Но, когда придете следующий раз, мы обязательно попросим вас выполнить кое-какие поручения. Хорошо?

– Хорошо, я с радостью, – с гордостью кивнул Василич.

В первые в жизни от него зависела судьба целого мира, планеты, тысячи, нет миллионы людей будут его ждать. Голова у Василича закружилась.

– Сейчас, я вас покидаю. Пообщайтесь еще немного с женой и детьми. Через час с небольшим вам следует вернуться. Не буду отнимать драгоценные минуты общения, – церемонно, как в старых фильмах, Магнум Петрович, раскланялся, помахал с порога и вышел.

Василич вновь посмотрел на жену. Она была так же красива, как в день их свадьбы. Даже платье было скорее белым, чистым, как тогда, двадцать пять лет назад.

– Ты хорошо выглядишь, – не моргая и боясь пошевелиться, прошептал Василич. – Как будто помолодела лет на двадцать. Не могу на тебя насмотреться. Неужели нам с тобой дали второй шанс?

– Ваня, милый мой, – Маша под села к мужу, положила голову ему на грудь, слушала его сердце и вдыхала знакомый по прошлой жизни запах. – Я ничего не знаю, но я очень счастлива, что вновь вижу тебя. Ты, кстати тоже помолодел, выглядишь лет на тридцать. Жаль нет зеркальца, ты бы сам убедился.

– Думаю, это не важно, – Василич погладил волосы Маши, сплетенные в одну большую косу. Раньше она такую прическу никогда не носила, стригла волосы под каре, но так тоже было хорошо. Он улыбнулся.

– Не говори, дурачок. Еще как важно, – шаловливая рука Маши спустилась в пах.

– Я тебя л-люблю, – заикаясь выдавил Василич, оглянувшись на детей, семь пар глаз наблюдали за встречей счастливых родителей. – И оч-ч-чень по тебе скучаю.

Василичу стало не удобно, он отодвинул руку драгоценной супруги на колено. Маша хихикнула, щеки у нее зарделись, она зарылась Василичу под мышку.

– Теперь мне, наверное, будет легче, – Василич подмигнул детям. – Я буду знать, что ты жива и здорова, и детки с тобой.

– Я тебя тоже люблю. Ты голодный?

– Не знаю.

– Ой, что же это я? – Маша вскочила, бросилась в чулан, принесла оттуда кувшин с молоком, краюху ржаного хлеба. – Угощайся, чем бог послал.

– Спасибочки, – Василич вдруг понял, что действительно проголодался, как будто не ел три дня.

Хлеб был еще теплый и очень вкусный. Василич разделил краюху на девять частей и протянул каждому чаду в руки, самый большой кусок взял себе, второй по размеру – отдал жене.

– Как же вкусно у вас, – вытирая рот от крошек и свежего молока, сказал Василич. – Уходить не хочется.

– Надо, – Маша опустила глаза, непослушная слезинка мешала смотреть на мужа. – Я буду ждать тебя. А теперь иди. С переходом лучше не шутить и не опаздывать.

– До свидания, Маша, – Василич встал, обнял жену, поцеловал в губы. С трудом отцепил от себя и стремительно вышел со двора.

– До свидания, Ваня, – услышал он вослед.

– До свидания, папа, – повторили семь голосов.

– Пока, мои хорошие, – помахал он родным с дороги.

Минут за пятнадцать он дошел до пещеры. Зашел в избушку и снял местную одежду. Положил аккуратной стопочкой на специальную полку. Обратил внимание, что на полках лежит еще три комплекта одежды. Про запас? Или сюда еще кто-то ходит? Надо будет спросить следующий раз у Магнума Петровича. Еще раз взглянул на новый странный мир, набрал полные легкие воздуха и шагнул в пещеру.

Переход в обратную сторону занял всего около минуты. Не успели глаза привыкнуть к темноте, как забрезжил свет, и Василич вышел в пролитый недельными дождями родной лес. Старую одежду он нашел у входа в пещеру, она лежала прямо на глиняном полу. Надо бы и здесь оборудовать что-то типа платяного шкафа, – мелькнула мысль у Василича.

Сразу налетели комары и мошки, потому наслаждаться родным миром в неглиже было чревато. Василич оделся быстро, как учили в армии, пока горела спичка. Рюкзак и ведро с грибами стояли в целостности на полянке. Похоже здесь прошло совсем немного времени, как и обещал Магнум Петрович, угли в костре еще дымились.

– Ну и дела! – Василич присел на поваленное дерево.

В голове ворошились неповоротливые от непривычности мысли. Случившееся надо было хорошенько обдумать. Жаль, что обсудить не с кем. Кому скажешь, ведь не поверят. Получается, он случайно или неслучайно, кто его разберет, нашел переход между мирами.

Значит, существуют параллельные миры.

Мало того, значит, есть жизнь после смерти.

Но это еще не все. Значит, бывают путешественники между мирами. И Василич один из них. Во дела-то! Он схватился за голову и плотно сжал ладонями виски, Василича распирало от вопросов, догадок и впечатлений. И самое главное, пятнадцать минут назад он видел своими глазами, трогал своими руками, целовал собственными губами похороненную три месяца назад жену. Да, и еще, у него семь детей. Семь детей!

Пора идти домой, – подумал Василич. Здесь хорошо, но надо все хорошенько обдумать. Только бы дорогу сюда не забыть. Василич внимательно огляделся – поваленное дерево, полянка, береза рогаткой. Сверился с компасом, мысленно наметил направление в сторону дома. На березке нацарапал едва заметную насечку ножом в виде галочки «V».

Затем закинул за спину рюкзак и не спеша побрел домой, озираясь по сторонам и запоминая дорогу. Василич примечал поваленные деревья, хрустальные ручьи и горбатые муравейники. Мысли то и дело возвращались в новый мир к Маше. Его любимая жива, у них есть дети. Диво дивное! Как же ему теперь жить с таким знанием? Как не выдать себя? Что будет, если он

случайно заболит и умрет? Оживет ли он в Машинем мире? Где живут другие проводники? Как они хранят свою тайну?

Усталый, измученный неразрешимыми вопросами, но чрезвычайно довольный впечатлениями Василич пришел домой под вечер. Первым делом почистил грибы. Поставил вариться. Все думал, думал, вспоминал.

Вынес ведра с проваренными грибами на веранду, чтобы остудились остужаться. Завтра буду солить, – устало заметил Василич. Кое-как поужинал, кусок не лез в горло и лег спать, но сон не шел. На ладонях остались воспоминания от мягких волос жены. В носу свербило от запах Маши. На губах он чувствовал теплые и влажные губы своей любимки. Ласковые глаза и стройное тело под шершавым льняным платьем виделось рядом в сумраке спальни. Жаль, что не получилось уединиться, Василич почувствовал шевеление в паху. Надо бы переключиться на другие мысли, – подумал Василич. Но на какие? Если он не хочет иных дум?

Последние три месяца он гнал любые воспоминания о Маше. Думал, что так правильно. Он приучал себя к жизни без любимой, пытался придумать новые смыслы и обустроить новую одинокую жизнь. Получалось плохо, но он старался. Теперь следовало переиначивать все сначала.

– Странно все это, – поймал себя на мысли Василич. – Вроде как хорошо – Маша жива и здорова, но кто-то сверху-сбоку-снизу наложил ограничения и разрешил видеться только раз в месяц, только на три часа. Бред какой-то.

Как жить в таких ограничениях? Вытерпит ли он? А ведь выбора-то особого у него и нет.

Так и не сомкнув глаз, Василич встал рано по утрам. Оделся, умылся. Промыл остывшие грибы, переложил в чистые эмалированные ведра, просолил слоями каменной солью, покрошил чесночку, сверху накрыл листьями хрена. Отнес соленье погреб, отдышался и поехал в город. Там в хозяйственном магазине купил лунный календарь на три года вперед. Понял, что вчера Луна находилась в первой четверти, восьмой день лунного месяца. Из того же календаря узнал, что лунный месяц длится двадцать девять дней и двенадцать часов. Значит, если он вчера перешел в новый мир примерно в десять часов утра, то через месяц переход откроется около десяти часов вечера.

Весь в раздумьях, не замечая людей и ни с кем не здороваясь, Василич зашел в продуктовый магазин, купил колбасы, хлеба, яиц и пару бутылок коньяка. Повод имелся. Следовало по старинной русской традиции поднять бокал за здоровье жены и детей.

На обратном пути из города Василич завернул на кладбище.

– Здравствуй, Маша, – Василич смахнул паутинку с красивого дубового креста. – Целый день тебя не видел, а я уже скучаю. Как ты там без меня? У меня столько вопросов. Ходят ли дети в школу? Есть ли у тебя там работа? Какие у вас деньги? Есть книги или другие развлечения? Что ты делаешь долгими летними вечерами? И вообще, кто лежит здесь под землей? Как это понимать?

Василич плеснул в два пластиковых стаканчика коньяку. Один поставил на могилку у подножия креста. Чокаться или нет? Чокнулся с ним. Выпил.

– За твоё здоровье, Маша. Не хворай.

– За здоровье детей, – недолго думая, Василич плеснул добавки и повторил.

Достал из пакета краковскую колбасу и хлеб. Закусил. Выпил третью за «нашу семью» и четвертую без тоста. Смахнул набежавшую слезу. За какие грехи ему такое наказание? Или это не наказание, а награда? Но, скорее всего, испытание. Но в любом случае, чем все это закончится?

Посидел еще немножко, погладил табличку с датами жизни Маши и побрел домой. Дома «тихий» праздник продолжился. Василич неспешно наливал по чуть-чуть и, неторопливо разжевывая колбасу и хлеб, закусывал. Тихо разговаривал не только сам с собой. Ласково обращался Маше:

– Любимая моя, как же я по тебе скучаю...

То переводил взгляд вправо и задавал вопросы Магнуму Петровичу:

– Какая у форма политического управления, милейший?

То представлял расшумевшихся детей и добродушно строжил:

– Дети! Слушать сюда всем! Вы мамку-то не обижайте, а то папка быстро научит понимать правду. Ремень у меня широкий... Шучу...

Василич постепенно захмелел и, не раздеваясь, прилег на диване, там же заснул глубоким сном. Проснулся в шесть утра. Отчего-то пришла предательская мысль, что он не сможет найти дорогу к пещере. Накинул куртку, сунул ноги в сапоги и понесся в лес. Но оказалось, что беспокоился напрасно, дорогу вспомнил легко, даже не сверяясь с солнцем и компасом. Через три часа стоял на нужной полянке. Спустился в овраг. Отыскал вход в пещеру. Шагнул в темноту. Включил фонарик, и через пару минут уперся в тупик. Пещера заканчивалась каменной стеной. Дальше дороги не было.

Постучал по камню, поцарапал ножиком, крепкий камень, не иначе гранит. Приложил к монолиту ухо. Тишина. Потоптался у стены. Вышел на свет божий. Делать здесь было нечего. Василич неспешно побрел домой, попутно собирая грибы. К своему забору он вернулся после обеда. Никто его не видел. Да и кому он нужен? Никому. До следующего «переходного» дня оставалось двадцать семь суток. Потянулось медленное тягучее время, которое Василич как мог подгонял, но оно все равно тянулось невыносимо долго.

Василич завел тетрадку в клетку, куда записывал появляющиеся вопросы и письма Маше, детям и Магнуму Петровичу. Потом пришла мысль, что неплохо бы поискать информацию о необычных явлениях и путешествиях в иные миры. Записался в сельскую библиотеку, набрал соответствующих книжек, вечерами теперь читал литературу про путешествия во времени, в параллельные миры и про другие цивилизации. Долго обдумывал прочитанное, систематизировал, записывал и анализировал.

За прошедший месяц к пещере ходил еще четыре раза, чтобы окончательно запомнить дорогу. Переживал, что забудет. Не забыл. Лес любил Василича, а Василич любил лес.

Ближе к дню перехода волнение нарастало. А вдруг что-то пойдет не так? А если хозяйева перехода решат закрыть переход? Где эти хозяйева? Вдруг, он что-то сделал не так, и переход не состоится?

Он собрал подарки детям – семь шоколадок, жене из шкафа достал ее любимые джинсы и кроссовки. Купил коробку конфет «Рафаэлло». Василич сомневался, перенесет ли он подарки через переход, но идти на встречу с пустыми руками посчитал неправильным. Моветон, типа.

Дома тоже не сиделось. За день до перехода, снова ходил к пещере. Вошел в нее, подошел к гранитной стенке – каменная твердь и тишина. Вернулся домой. Немного расстроился, что приходится ждать. Лег спать пораньше, спал тяжело, часто просыпаясь. Снился, что ползет по постепенно суживающейся пещере...

Проснулся рано, быстро собрался и выдвинулся в лес. Лучше подождать на месте, чем сидеть дома.

Пришел на место, до расчетного времени перехода оставалось больше двенадцати часов. Василич развел костер, нарубил дров, на входе в пещеру соорудил полки для одежды. Иногда прислушивался к звукам леса, не идет ли кто сюда. Нет, все было тихо. Иногда Василичу казалось, что его кто-то зовет. Он даже слышал шаги. Один раз из оврага прилетел звук хруста сломанной ветки. Василич вскочил, забежал в пещеру и вновь наткнулся на каменную стену.

В девять часов вечера Василич зашел в пещеру, и сразу почувствовал движение воздуха, которого здесь не было уже почти месяц. Снял одежду и положил на пахнущие свежей смолой полки. Смело шагнул в темноту, неся перед собой гостинцы. Через минуту увидел свет в конце тоннеля. Сердце в ожидании встречи радостно затрепетало.

Вышел из пещеры в параллельный мир, подарков в руках ожидаемо не оказалось. Ах, опыт сын ошибок, попробовать-то надо было. Василич огляделся, никого. Завернул в избушку-раздевалку. Нашел свою одежду. Облачился в местный прикид и, радостно подпрыгивая, побежал к жене и детям.

Снова здесь ярко светло солнце. По положению светила было примерно два часа дня.

Издалека увидел бегущих навстречу детишек.

– Ура, папка приехал! – кричали дети и прыгали на шею батьке.

– Здравствуйте, дети! Привет, Лиза! – Василич обнял всех по очереди, потрепал по голове. – Простите меня, нес шоколадки, но в переходе они исчезли.

– Здравствуй, Ваня! – пока обнимался с детьми, подошла жена и повисла на шее.

– Здравствуй, Маша! – Василич притянул любимую и поцеловал в губы, погладил по спине, руки опустились на ягодицы.

– Любимый, – Маша запустила ладони в волосы мужа. – Я так тебя ждала!

– Хватит вам уже целоваться на дороге! Пойдёмте домой, – возмутилась Лиза. – Что люди скажут? Бесстыдники вы!

Василич и Маша улыбнулись. Взявшись за руки, направились в сторону дома. Дети, мама, папа. Все вместе. Как же это здорово! Такого еще в моей жизни не было, – подумал Василич. – Это волшебный мир. Я люблю его!

– Ваня, мы тебя сегодня и ждали, – сообщила Маша, как только зашли в дом и показала жестом на богато накрытый стол. – Мы приготовили праздничный обед. Покушай с дороги, милый.

– Маша, – посмотрел супруге прямо в глаза, – у меня голод иного рода. Я так долго ждал нашей встречи! Мы можем где-нибудь уединиться?

– Можем, конечно, – Маша скромно потупила глаза. – Я тоже долго жду, со дня смерти. Дети! Идите погуляйте. Мне с папой надо пообщаться наедине.

Дети, толкаясь, смеясь и подпрыгивая, выбежали во двор. Маша взяла Василича за руку и ввела в спальню. Посреди просторной горницы стояла широкая двуспальная кровать с резными спинками. Маша подняла руки и развязала завязочки за спиной. Платье тотчас соскользнуло к ее ногам. Супруга Василича вышла из одежды, как богиня в сказке. Слепительно красивая и соблазнительная. Прижалась к мужу. Сама сняла с застывшего и обалдевшего мужа рубашку. Спустила штаны...

Опустилась на колени...

Супруги, отдышавшись, лежали в обнимку в постели.

– Как же я по тебе соскучился! – прошептал Василич, рассматривая узоры на потолке. – Этот месяц я еле выдержал. Неужели нам придется теперь так жить всегда?

– Я тоже не понимаю, как прожить те дни, которые без тебя, – Маша погладила почерневшие волосы на груди мужа.

– Ты такая красивая, молодая и желанная, – Василич приподнялся на локте. – Я хочу быть с тобой рядом каждую минуту в каждый день и в каждую ночь. Что мне сделать, чтобы не разлучаться?

– Я не знаю, из этого мир в твой мир еще никто не проходил, – тяжело выдохнула Маша. – Сюда из пещеры изредка выходят люди. Бывает. В нашей деревне все знают про переход. Знаешь, местные помнят про свою прошлую жизнь. Некоторые пробовали вернуться, но смогли. Лизка мне рассказала, что прошлый раз, когда ты пришел, у нее появилось странное желание подойти к пещере. Ее туда прямо тянуло. Она зашла в пещеру, уперлась в холодную стену и вернулась. Села на скамейку и ждала, пока не появился ты.

– Будем думать, – Василич посильнее прижал Машу. – Расскажи немного о себе. Как вы живете? Где работаешь? Ходят ли дети в школу?

– Наша жизнь напоминает старую русскую деревню. Дело в том, здесь нет машин и механизмов. Имеются самые простые орудия – топоры, вилы, лопаты, ножи, их кует местный кузнец. Но совсем нет телевизоров, телефонов и радио. Нет электричества, нет машин. Здесь нет заводов и фабрик. Встречаются умельцы, которые занимаются ремёслами: ткут ткани, лепят глиняную посуду, даже строят дома. Все, что ты видишь вокруг, сделано вручную. Кроме того, в нашей деревне очень много детей. На одного взрослого приходится примерно пять-шесть детей. Школа имеется, ее организовал Магнум Петрович. Детей учат грамоте, математике, естествознанию.

– Чем питаетесь? Где берете продукты?

– Вокруг деревни много сельскохозяйственных полей. Мы ее сообща обрабатываем, выращиваем картошку, пшеницу и овощи. На берегу реки раскинулся огромный фруктовый сад. За рекой расположена ферма с коровами и овцами. Здесь круглый год лето. Урожаи хорошие. Еды хватает. Не переживай.

– Здорово, – успел ответить Василич, когда тишина нарушилась и во дворе закричали.

– Мама, папа, Магнум Петрович пришел, выходите!!! – кричали дети с улицы.

Василич и Маша переглянулись, рассмеялись. Затем схватили льняные одежды, быстро оделись и вышли к гостю.

– Прошу прощения за столь бесцеремонное вторжение, но дела, можно сказать, государственной важности заставляют меня быть настолько бесцеремонным, – Магнум Петрович похозяйски прошел по хате и сел за стол. – Простите меня, еще раз. Иван Васильевич, мне надо с вами пообщаться.

– Добрый день, Магнум Петрович, – Василич обрадовался гостю, присел за стол на против. Взял с тарелки пирожок, проголодался страшно, в желудке урчало. – Ничего страшного. У меня тоже много вопросов.

Маша присела к Василичу под бочок, любимая женщина в важных государственных делах не помеха. Василич нежно обнял супругу за плечи.

– Давайте я начну, – предложил Магнум Петрович, тоже взял пирожок. – Как вы, наверное, заметили, мир наш шибко отсталый в техническом плане. Мы не владеем простейшими человеческими технологиями. У нас нет промышленности и науки. У нас есть только козы и коровы. У нас совсем нет машин.

– Почему? – пока говорил Магнум Петрович, Василич взял с большого глиняного блюда куриную ножку.

– Я много думал об этом, – Магнум Петрович повертел пирожок в руках и положил на место. – У нас мало времени на пространные рассуждения, поэтому я коротко. Во-первых, у нас здесь живут довольно странные люди. Как я уже говорил, наше общество – это несостоявшиеся в прошлой жизни личности. Здесь абсолютно нет инженеров, ученых, выдающихся музыкантов и изобретателей. Наверное, деятельные люди достаточно реализовались в первом воплощении. Здесь же отстойник для неудачников, нормальным людям здесь делать нечего.

– Магнум Петрович, ну зачем вы так про нас? – возмутилась Маша.

– Маша, не обижайтесь только, ради бога. Я сам такой, ничего в прошлой жизни не добился. Имею право говорить про всех нас. Ничего я не умею. Огонь в лесу не разожгу. Самолет не построю. Только что и умею – агитировать и раздавать указания. Еле уговорил Горыныча заняться кузнечным делом, а он между прочим, кузнец в четвертом поколении. Хоть ножики да топоры научились делать, и то хорошо. Многие, попадая в наш мир, своих привычек не меняют. Я им говорю: «Это ваш новый шанс, используйте его. Третьей попытки может не случиться!» Они чешут затылки и отвечают: «Нам и так хорошо. Ничего не хочу». Неудачники они что здесь, что там – меняться не собираются. Мне с трудом удалось раскатать к дея-

тельному образу жизни всего несколько человек. Мы организовали школу для детей, наладили работу кузницы и построили швейно-ткацкую мастерскую. Еще мы неплохо строим дома. Вот совсем недавно построили новый склад для сельскохозяйственной продукции.

– Магнум Петрович, вы хороший руководитель, – вставил Василич и протянулся за второй ножкой. Аппетит был зверский. Помолодевший организм требовал калорий.

– Спасибо за добрые слова, – Магнум слегка смутился, но время на лирику оставалось совсем мало, и он продолжил: – У нас катастрофически не хватает мозгов, знаний и изобретений. Поэтому просьба к вам такая: принесите в наш мир знания. Переправить книги и чертежи в бумажном виде вы не сможете. Но вы можете там что-то выучить и запомнить, а здесь рассказать, нарисовать и объяснить. Мы постараемся обучиться новым умениям. Наша жизнь улучшится. Я надеюсь.

Маша и Василич переглянулись. Помочь детям и жене, дело святое. Но будет ли предательством передача научных открытий из одного мира в другой? Хотя, с другой стороны, наши миры не являются конкурентами. Сложно все. Надо разбираться, – отмахнулся от сомнений Василич.

– Хорошо, давайте попробуем, – тревожно выдохнул Василич. – Расскажите, какие знания нужны в первую очередь? Вряд ли вам нужны технологии создания космического корабля. Вероятно, требуются более простые и практические знания.

– Совершенно верно, Иван Васильевич. Не знаю, много ли вы запомните за один раз. Давайте начнем с сыра, – Магнум Петрович улыбнулся. – Скучаю, знаете ли, по сыру, сил нет. Коровы имеются. Молока – завались, а как делать сыр – никто не знает. Попробуйте также узнать, как получать растительное масло из подсолнечника. Нам интересны любые механизмы и приспособления. Например, как работает водяной насос. Как организовать орошение полей. Как построить канализацию. Как лечить зубы. Как сделать антибиотики. Как произвести порох и бензин. Для первого раза, думаю заданий хватит. Согласны?

– Договорились, – Василич мысленно повторил запросы Магнума Петровича. Вроде на техническую разведку уровня МИ-6 или ЦРУ не тянет. Обычные бытовые знания. Что в следующий раз захочет Магнум?

– Теперь разрешите откланяться. Я вас покидаю, – улыбнулся Глава селения. – Напоминаю, что у вас осталось минут тридцать. Пообщайтесь еще немного с детьми и женой. До следующей встречи, Иван Васильевич.

– До свидания, Магнум Петрович, – мужчины пожали друг другу руки, несостоявшийся президент Австрии вышел в калитку на деревенскую улицу.

Василич сразу погрузился. Маша подошла, взяла мужа за руку.

– О чем задумался, Ваня?

– По факту мне сейчас предложили стать техническим шпионом. Я должен передавать знания нашего мира в другой. Ты думаешь, это не аморально?

– Думаю, что нет, – Маша прижалась к Василичу. – Ты же поможешь нашим детям и мне. Представляешь, какая жизнь здесь начнется, если у нас появится телевидение и интернет? А у меня будет большая красная машина «Феррари»? Белье будет стирать стиральная машина? Посуду будет мыть посудомоечная машина? Красота!

– Уговорила, я попробую, – Василич взял Машу широкими ладонями за плечи и строго посмотрел в глаза. – Скажи мне, Мария: Магнум Петрович к тебе не клеится? Не часто ли заходит? Имеются ли другие мужики в деревне?

– Ну что тебе сказать? – Маша с улыбкой выдохнула. – Мужики, конечно, имеются. Но они мне не нравятся. Понимаешь, мне нравятся успешные, серьезные, умные, как ты. А здесь по большей части неинтересные. В этом Магнум Петрович прав, отстойник для неудачников. А теперь, когда ты появился, мне вообще никто не нужен. Я буду думать, что ты просто уезжаешь в командировку, я же тебя верно жду.

– Как ты узнала, что это все наши дети? – Василич посадил Машу рядом с собой, заложил ногу за ногу.

– Это не я узнала, – выдохнула Маша, она понимала сомнения мужа. Лучше рассказать правду, тогда недоверие исчезнет. – Не я их выбрала, дети узнали меня. Дело в том, что люди в нашем мире не рождаются. Все местные однажды приходят сюда из той же пещеры, из которой появился ты. Дети выходят достаточно взрослыми, уже умеют ходить. Обычно им по три-четыре года или старше. Они умеют разговаривать и все понимают. Ребятишки идут куда им надо, как будто в голове у них заложена карта-схема. Откуда ты знаешь? – спрашивала я. Просто, знаю, – отвечали они. Детишки безошибочно идут в свой дом. Бывают случаи, когда дети подселяются в уже жилой дом, к взрослым. Наши же пришли всей гурьбой в пустой, только отстроенный дом. Магнум Петрович пытался их переселить, но они категорически отказались. Сказали, что скоро придет их мама, а потом и папа. Магнуму ничего не оставалось делать, как помогать продуктами и по хозяйству. Так они и жили. Когда я вышла из ворот, дети выбежали мне на встречу. Сказали: «Здравствуй, мама!» Это было удивительно, но они мои – я это чувствую. И твои.

– Все равно, как-то это странно, – нахмурил брови Василич и почесал под мышкой.

– Ты, конечно, прав.

«Что ж такой недоверчивый?» – подумала Маша и продолжила:

– В нашем мире много непривычного. Сам посуди, не странно ли, что я умерла, а сейчас обнимаю тебя и разговариваю? И мы не во сне. Можешь меня ущипнуть. Не странно ли, что ты переходишь из одного мира в другой? Но это же правда. Вань, поверь и прими мир таким, какой он есть.

Василич посмотрел на Машу, на внимательно ловящих каждое слово детей. Затем перевёл взгляд на цветники и низенький деревянный штакетник. Вдохнул чистый деревенский воздух. Посмотрел на небо. Подумал, что здесь всегда светит солнце. Мир местный как будто очень дружелюбный, но пугал неизвестностью.

– Э-эх! Хорошо, пусть будет так, – Василич встал, махнул рукой. – Я действительно рад, что вижу тебя, что могу обнимать и целовать. Я бесконечно счастлив, что у меня столько детей. Мне ужасно жаль, что не успеваю с вами со всеми пообщаться. Мне хочется остаться навсегда, но пора уходить. И меня возмущает эта несправедливость. Почему на месяц положено только три часа на свидания? Кто так решил?

– Я не знаю, милый, – Маша тоже встала и обняла мужа. – За детей не беспокойся, я позабочусь. И про тебя все расскажу. Они будут любить по моим рассказам. Поверь, в них ты не будешь хуже, чем в жизни. А теперь иди, провожать не пойду, а то расплачусь.

– Хорошо, спасибо тебе, любимая, – Василич крепко прижал жену, нежно поцеловал в губы. Поглядел в глаза и замер на секунду, пытаясь запомнить образ любимой. Дети подбежали к папке, Василич погладил их по головам. Подмигнул. Все будет хорошо. Резко развернулся и пошагал по улице в сторону пещеры.

– До свидания, дети! – крикнул он, не оборачиваясь.

– До свидания, папа! – кричали ребята ему во след.

Василич шел, а мысли не уместались в голове: «Не хочу так жить! Не хочу целый месяц жить в одиночестве! Не хочу стать „мужем на час“! Не хочу служить промышленным шпионом! Не хочу!»

Погруженный в мрачные мысли, Василич снял льняную одежду и вошел в пещеру. На выходе нацепил свои привычные штаны и куртку. В лесу царил вечерний сумрак. Бродить по темному лесу не хотелось, поэтому он настелил на земле лапника и расположился на ночлег посреди поляны. Но заснуть не получилось. Его одолевали невеселые мысли про расставание, про нелегкую судьбушку, про несправедливость, одновременно мучили насекомые, комары

да муравьи. Так он и пролежал всю ночь, глядя в просвет березовых кроны на чистое звездное небо.

– Вдруг, это портал, – думал Василич. – А Машина планета находится за миллион световых лет отсюда. И до нее можно долететь на космическом корабле. В этом случае, там можно остаться.

Василич прихлопнул надоедливого комара на правой щеке. В следующее мгновение на хлопок или на запах убиенного товарища прилетело штук пять комаров.

– Где ты, Маша? Или ты в другой реальности? Из нашего мира в твой нет прямой дороги? Неужели мне придется смириться с таким общением? Не психанули я в конце концов?

Как только небо посветлело, Василич поплелся домой.

На этот раз незаметно подойти к дому не получилось. У самого забора ему встретила любопытная соседка и сплетница Галина Никифоровна.

– Добрый день! – поздоровался Василич и хотел пройти мимо.

– Добрый утро, Василич, – взглянув многоопытной Галины просканировал соседа. – Откуда так рано? Почему дома не ночуешь?

– Не твое дело, куда надо туда и хожу, – огрызнулся Василич, юлить и придумывать не хотелось, говорить правду тем более.

– Какой ты приветливый, Иван Васильевич, – ехидно улынулась Галина Никифоровна. – С соседями следует ладить. Ты мне поможешь, я тебе. Наша деревня маленькая. Зачем ссориться?

– Иди ты, Никифоровна, огород полоть. Не до тебя, – резко ответил Василич и хлопнул за собой калиткой.

«Вот встретила же стерва с утра пораньше! Кого не хотел видеть, так ее», – причитал Василич. Разулся на крыльце. Не снимая одежды, упал на кровать и заснул крепким сном прямо на веранде.

Приснилось, что он идет с Машей по песчаному берегу моря. Они держались за руки и улыбались друг другу. Легкие теплые волны, пенясь, набегали на берег и омывали загорелые щиколотки Маши. Василич повернулся к жене, хотел поцеловать, но супруга пиксельно растворилась в воздухе.

– Маша! – крикнул Василич. – Ты где?

Кинулся вперед вдоль берега моря. Выбежал на окраину рыбацкой деревушки. Заглянул в одну избушку, в другую. Маши нигде не было. Кричал и звал. То, что в деревне не было и других жителей, Василича не смутило. Он увидел на берегу голубого цвета лодку, прыгнул в нее и погреб прямо в море. Греб долго, пока не исчез за горизонтом берег...

Василич проснулся под вечер, уставший и разбитый. Внутри боролись две мысли. Одна: вроде хорошо, что можно видеться и общаться с Машей после смерти. С другой стороны, приходится надолго разлучаться. К хорошему быстро привыкаешь, – сделал вывод Василич. Еще месяц назад он о таком счастье и подумать не смел. Теперь ему мало раз в месяц.

Сел за стол, включил настольную лампу и достал тетрадку-дневник. Коротко записал впечатления и размышления от последнего посещения параллельного мира. Осталось много не отвеченных вопросов. Зачем существует тот мир? Зачем людям, которые ничего не добились, давать еще шанс? Что они могут там исправить? Тот мир технически очень отсталый. В космос не полетишь. Карьеру не сделаешь. Путешествовать не получится. Жителям приходится существовать тихо, спокойно и, что греха таить, мало интересно в старинно-отсталой деревне. Для чего? Какой в этом смысл? Единственный плюс – хорошая экология, воздух и продукты без ГМО.

Ладно, малые дети, которым здесь не суждено было вырасти. Почему-то. Никто не ответит, почему дети не выросли здесь. Ладно, пролетели. Детям, наверное, лучше прожить такую жизнь, чем вообще никакой. Но взрослые, у них был шанс, они здесь ленились и не старались.

Но для неудачников ничего особенно не поменялось. И неуспех повторяется еще раз, за исключением нескольких человек. Таких, как Магнум Петрович и его актив. Взрослого человека практически невозможно переделать, легче новых нарожать. Известная истина.

Но это не все, вопросы не заканчивались, – Василич тяжело вздохнул и продолжил писать. – Зачем человек живет в нашем мире? Чтобы съесть тридцать тонн еды, выпить шестьдесят тонн воды, увидеть Африку и пингвинов? Конечно, следовало бы предположить, что имеется смысл в продолжении всего человеческого рода, а каждая отдельная человеческая жизнь не имеет особого смысла. Хорошо. Не нравится этот вывод. Ну и что ж. Тогда зачем и кому нужен род человеческий? Куда ведет история человечества? Ответов не было. Пока не было.

– Но, – Василич отложил ручку и громко ответил? – Дорогу осилит идущий. Найдем ответы. Обязательно найдем. Не сомневайтесь.

Василич включил компьютер. Вошел в поисковик. Набрал «Как сделать сыр своими руками». Поисковик выдал несколько страниц с ответами. Василич выбрал пару рецептов, распечатал. Оказывается, сыр делать не так уж и сложно. Почитал запомнил, положил в отдельную папочку, подписал: «Технологии человечества».

Задал себе вопрос, а что сделать для детей? Самокат, качели, велосипед? Нашел тематические статьи, распечатал, посмотрел видео. Вдруг понял, что лучше запомнить схемы, рецепты и знания, сделать опытный образец на практике.

Что нужно для приготовления сыра? Молоко, творог, соль, яйца, сода, масло. Соль и сода вроде есть. За остальным придется бежать в магазин. Василич собрался и пулей слетал в магазин. Остаток вечера делал сыр. Уже ночью, сидя на крыльце Василич, ел сыр собственного приготовления и потягивал коньячок из граненого стакана.

На следующий день Василич принялся самокат. Стучал, пилил, сверлил. Изредка бегал в строительный магазин за запчастями. К вечеру проверил самоделку на тропинке приусадебного участка.

На третий день перед своим домом Василич соорудил качели. С этого дня соседские ребята весело качались на новеньких качелях. Василич стоял, облокотившись на калитку, и смотрел на детишек. Видел чужих, а представлял своих. И ведь неплохо получилось! Может быть, в этом и есть смысл жизни? Делать добро людям.

Василич поймал себя на мысли и вечером аккуратно записал ее в дневник, что путешествие в соседний мир, изменило его привычный образ жизни, круг интересов и строй мыслей. Блеклое в прошлом существование наполнилось динамикой и смыслом. Не только для него, но и для окружающих. На радостях, Василич выкатил на потеху ребятне вчерашний самокат.

– Проверьте на прочность, сорванцы!

Весело улюлюкая, мальчишки прокатили обновку по пыльной деревенской дороге. Весьма довольный собой, Василич вернулся в дом. Предстояло накидать план работ на месяц. Завтра, Василич принял решение, будет делать водяной насос из дерева. Задача не из простых.

Создание насоса заняло почти пять дней. Тестирование аппарата Василич провел в деревенском колодеце. Опустил насос в колодец. Покрутил ручку, и вода потекла из трубы. Новый, пахнущий смолой, агрегат Василич положил в сарай. Кому в нашем мире нужен странный деревянный насос, если в магазинах полно хороших фабричных из железа и пластмассы. Разве что в программе об русских умельцах. Но на телевидение Василич не торопился. Свою новую деятельность афишировать он не стремился. Нельзя.

В последующие дни Василич делал порох. Испытания прошли успешно в глубине леса.

Перемены в жизни одинокого односельчанина не прошли мимо любопытных глаз. По деревне поползли слухи, что Василич сбрендил. Мол, ведет себя слишком активно, не по возрасту, никогда такого не делал и так далее. Все время что-то пилит, точит, собирает.

Ни с кем особо не разговаривает, постоянно куда-то торопится, на вопросы отвечает односложно. Не порядок. Надо спасти мужика, пока не поздно. Больше всех информации для сплетен подкидывала добрая и сердобольная соседка Галина Никифоровна.

– Всю ночь шумит, – сообщала она очередную новость, стоя в очереди в деревенском магазине. – Спать не дает. Ей богу, бабы, еще немного и позвоню участковому. Не к добру это. Как есть американский шпион. Или китайский. Боюсь я за соседа. Неверной дорогой пошел. Ой, беда-беда.

Василич на деревенские сплетни внимания не обращал. Вернее, даже не подозревал, что жизнь его стала предметом внимания деревенских сплетниц. Он радовался, как ребенок, все вокруг вдруг наполнилось новым смыслом. Он теперь не сидел без дела и не укорял себя за напрасно прожитые годы. С утра до вечера он трудился, его график был расписан на многие месяцы вперед. В трудах и заботах месяц пролетел быстро. Очень быстро.

Настал следующий день перехода.

На этот раз расчётно предстояло переходить в иной мир по утрам. Василич лег спать пораньше, но опять разволновался, повторял в голове формулы и рецепты. Как результат не выспался. Встал пораньше и вышел в лес еще до рассвета. Ко входу в пещеру подошел на два часа раньше положенного. Проверил вход в пещеру, все на месте. На полянке и разжег костерок. Так получалось, что за последний месяц, он впервые не торопился и ничего не делал. Просто сидел, смотрел на небо и на березку, ждал. Вспоминал прожитый месяц, сравнивал новую жизнь с тем, как он жил до смерти Маши.

Получалось, что последние четыре недели Василич много читал, поэтому узнал больше, чем за предыдущие несколько лет. Много смастерил собственными руками. Почти не отдыхал, и причем совсем не устал. Тяготила его одна лишь маленькая мыслишка, что душой он живет не здесь, не сейчас, а в другом мире. Там, где дети и жена.

После смерти Маши он безутешно горевал, вымаливал у Вселенной возможность поговорить с женой, увидеть ее живую еще хоть раз и, конечно, обнять, поговорить. Получалось, что его мечта сбылась, он может говорить с женой, может обнимать и целовать ее. Мало того, у него появились дети, о чем он даже и не мечтал. Он был почти счастлив и не знал ни одного человека на Земле, у которого подобная мечта сбылась. Казалось бы, живи и радуйся. Так нет, теперь не хочется разлучаться с Машей ни на минуту. Душа требует совместного проживания. Не важно в каком месте. Во дворце или в шалаше. Главное, чтобы вместе и навсегда, каждую секунду жизни.

Василич посмотрел на часы. Незаметно прошло два часа. Пора! Василич каким-то чутьем понял, что проход в соседний мир открылся. Василич разделся и понял, что лето прошло, стало холодать. Сентябрь – это не июль. Чтобы не замерзнуть, побежал внутрь пещеры быстрее. На ходу думал, что же делать зимой, когда ударят морозы под тридцать градусов. Вероятно, надо оборудовать кабинку для переодевания.

У выхода его ждала Маша. Жена радостно подпрыгнула. Подбежала, обняла долгожданного мужа.

– Здравствуй, Ваня! – Маша повисла на голом помолодевшем Василиче. – Я так по тебе скучала!

– Здравствуй, Маша! – Василич уткнулся в пахнущие васильками волосы жены. – Я тоже! Извини, я замерз, у нас осень началась. Мне бы согреться, а то заболело.

Не разрывая объятий, супруги забежали в избушку для переодевания.

– Ты сегодня хорошо выглядишь, – Маша отстранилась, чтобы Василич оделся, но потом передумала...

Мышцы мужа переливались под помолодевшей кожей. Разгорячённое от спешки мускулистое тело Василича манило. Все-таки раз в месяц бывать с мужчиной, это мало, – подумала Маша и опустилась на колени.

Супруги задержались в избушке, всего минут на двадцать. Или немного больше. Домик ходил ходуном, стены раскачивались, крыша грозила тростниковая крыша грозила соскочить со стропил. Сторонним наблюдателям могло показаться, что избушке совсем скоро потребуется капитальный ремонт. Но избушка выдержала, видимо неплохой мастер ее строил.

Супруги погасили накопленный за месяц порыв страсти. Обнявшись, лежали прямо на полу, на разбросанной одежде.

– Маша, ты к следующему разу принеси сюда какой-нибудь матрасик или одеялко, а то на голом полу как-то жестковато, – рассмеялся Василич, представив, как они смотрятся со стороны.

– Хорошо, – улыбнулась жена. – Что-люди-то скажут, когда увидят здесь матрас и постельные принадлежности?

– Скажи, что дети попросили. Мол, домик им для игр очень понравился, – придумал на ходу Василич. – Про них никто ничего дурного не подумает. Мол, игра у них такая.

– Хорошо, что-нибудь придумаю, – Маша уткнулась живот мужа. – Я очень скучала. Часы и минуты считала. Не думала, что ожидание так мучительно. Почему-то вдруг почудилось, что ты больше не придешь? Что мне делать, если с тобой что-нибудь случится? А я даже не узнаю. И весточку сюда не передать.

– Я тоже скучал, – Василич погладил Машу по волосам. – Но я был так занят, что время пролетело совершенно незаметно.

– Интересно, чем же ты занимался? – Маша надула губки.

– Я добывал технологии для вашего мира, – Василич многозначительно поднял указательный палец правой руки. – Для начала отыскал. Потом проверил опытным путем. Теперь я умею делать сыр, самокат, качели, порох и еще много всего хорошего. Ты бы меня не узнала, подумала, что мужа твоего подменили. Вот так.

– Ты у меня молодец, а я не знаю, чем себя занять. Домашние дела делаю почти автоматически. Голова свободная. Только грустные мысли в голову лезут. Скучаю по тебе шибко.

– Мне тоже не нравится такое житие. Хочу жить с тобой каждый день, каждую минуту. Что бы нам с тобой такое придумать?

– Я не знаю, – пожала плечами Маша, на глаза навернулись слезы. – Ты же мужчина, возьми и придумай.

– Хорошо, я придумаю, – Василич поцеловал жену в глаза, осушив ее слезки. – Давай одеваться, моя любовь. У меня много дел и вопросов к Магнуму Петровичу.

– Ты к кому сюда пришел: ко мне или к Магнуму Петровичу? – Маша забралась на Василича сверху. – Не пушу, я еще не насладились мужем. Лежать, я сказала!

– Маша, я тоже хочу быть с тобой и только с тобой, – Василич встал, держа жену на руках, поставил ее на лавку и взял льняные штаны с полки. – Ты же сказала, придумай что-нибудь. Для этого мне надо узнать про ваш мир как можно больше. У кого можно узнать? У Магнума Петровича.

– Хорошо, одевайся, коварный! – в шутку разочаровалась Маша. – Затащил доверчивую девушку в лесную избушку, воспользовался ее беспомощностью. Тебе больше от меня ничего не надо!

– Тебе тоже от меня больше ничего не надо! – парировал, улыбаясь, Василич.

Выходя из избушки, муж получил в спину лапти жены. Маша босиком поскакала за мужем. На скамейке молча сидел Магнум Петрович и ждал. Хитро улыбался.

– Здравствуйте, Иван Васильевич. Здравствуй Маша, – поднимаясь, протянул руку для приветствия Магнум Петрович.

– Здравствуйте. Давно тут ждете? – Василич пожал уверенную руку местного Главы.

– Нет, всего минут десять, – Магнум Петрович мечтательно посмотрел вверх. – Погода сегодня хорошая. Не хотел вас прерывать. Я все понимаю. Иван, вы принесли что-нибудь интересное?

– Да, принес. Готов рассказать, показать, нарисовать.

– Пройдёмте скорее. Не будем терять время, которого у нас всегда мало.

Быстрым шагом они направились в деревню. Завернули в первый же дом. Внутри ждали люди, человек десять.

– Это наш актив, – представил собравшихся Магнум Петрович. – Люди, на плечах которых держится наше общество. Все что вы будете рассказывать, они должны услышать.

– Хорошо, начнем, – Василич потер руки, затем присел за стол, взял лист бумаги и карандаш.

Он чертил, рисовал, рассказывал, отвечал на вопросы. Маша тоже подошла к столу и внимательно слушала мужа. Она улыбалась, чесала затылок, старалась все запомнить. Одновременно гордилась своим мужчиной. Таких здесь нет на всей планете.

Исчертив горы бумаги и бересты, время пролетело незаметно.

Собрание, глянув за окно, чтобы оценить время по солнцу, прервал Магнум Петрович:

– Друзья, пора заканчивать, у Ивана Васильевича осталось слишком мало времени. Всем спасибо. Мне надо задать пару вопросов нашему спасителю. До встречи.

Мужики сгребли разрисованные рисунки, графики и записи. Друг за другом вышли из избы.

– Иван Васильевич, хочу озвучить новые пожелания, – на лице Магнума Петровича Василич читал мысль, что «Важное дело делаем, товарищи!». – Во-первых, я хочу больше узнать про электричество – лампочки, батарейки, аккумуляторы. Нам бы такие знания очень пригодились. Еще интересны средства передвижения: велосипеды, коляски, воздушные шары.

– Хорошо, сделаю все, что в моих силах, – кивнул Василич.

– Еще есть одна необычная просьба. У нас проживет один немец, зовут Фридрих Мюнц. Он всю прошлую жизнь копил деньги. Планировал устроить себе и жене к старости роскошную жизнь, путешествия, вечеринки и драгоценности. Сами понимаете. Но случайно погиб во время теракта на мюнхенском вокзале. Возможно, слышали.

– Не помню, – помахал головой Василич.

– Не важно. Так вот он просит, чтобы вы написали письмо в Германию, и рассказали его супруге тайну фамильных сокровищ. Здесь адрес, ниже текст письма. Почитайте, запомните пожалуйста.

Магнум Петрович протянул Василичу квадратный листок бумаги.

– А вы не боитесь, что я заберу сокровища себе? – Василич прямо посмотрел на Магнума Петровича.

– Нет. Вы не такой, – искренне улыбнулся тот. – Ваши мысли далеки от материальных благ. Да и выбора у нас все равно нет. Другого проводника пока в наличии нет.

– Хорошо я попробую, – Василич пробежал глазами по тексту, люблю-целую, сокровища лежат... Ничего необычного.

Василич продолжил:

– У меня к вам тоже имеется вопрос. Существуют ли в вашем мире еще переходы? Может, не в наш, в другие миры?

– Зачем вам?

– Мне не хочется жить на два мира. У меня появилась идея, как не разлучаться с женой и детьми. Если я не могу остаться здесь, а она не может пойти со мной в мой мир, неужели нет выхода. Мне подумалось, что, возможно, существует третий мир, где жить вдвоем или с детьми.

Магнум Петрович почесал затылок, переложил ноги.

– А вы не простой человек, Иван Васильевич. Очень интересная мысль. Действительно, я слышал про другие переходы. К следующему разу я узнаю о них поподробнее. Вам пора бежать, иначе мы все потеряем.

– Где эти переходы? – не терпелось Василичу.

– Иван Васильевич, пойдёмте. Я расскажу по дороге все, что знаю.

Василич взял Машу за руку. Они втроем вышли на улицу.

– Совсем не успел пообщаться с детьми, – с грустью заметил Василич.

– Не переживай, все будет хорошо, – поцеловала его Маша.

– Магнум Петрович, я вас слушаю, – обернулся Василич к бывшему кандидату в президенты Австрии.

Все ускорили шаг.

– В нашем мире есть еще, как минимум, один, известный мне переход. Но у него имеется два существенных недостатка. Первый в том, что он находится примерно в десяти часах ходьбы от нашей деревни. Транспорта для более быстрого перемещения у нас нет. По этой причине, вы до него не дойдете. Вас выкинет отсюда на первой трети пути, и мы потеряем вас навсегда. Второй попытки не случится.

– Мы с Машей и детьми сможем перейти по переходу? Или там существуют ограничения?

– У того перехода меньше ограничений. Проходят практически все желающие.

– Откуда вы знаете?

– Я ходил туда. Переходил в обе стороны.

Процессия подошла к избушке-раздевалке. Василич, не теряя времени зашел и переоделся, продолжая разговаривать через открытую дверь.

– Почему вернулись?

– Мне там не понравилось. Думаю, что вам тоже не понравится.

– Что там такого плохого?

– Там нет цивилизации. Совсем.

– Это меня не пугает. А тебя Маша?

– Ваня, я хочу быть с тобой, – в груди затеплилась надежда, сердечко застучало быстро-быстро. – Остальное – дело наживное.

– До свидания, друзья! Мне пора, – Василич поцеловал жену, пожал руку Магнуму Петровичу, сверкнул голыми ягодицами и скрылся в темноте пещеры. Маша заплакала. Через минуту плач стих. Василич вышел в холодное осеннее утро.

– Ура-ура-ура! – прыгал от радости Василич, натягивая еще неостывшие штаны и трусы. – Есть переход в другой мир! Есть! Что-нибудь обязательно придумаю!

По дороге домой Василича переполняла радость от потенциальной возможности прожить остаток жизни с любимой женщиной. Почти сразу начал разбирать проблемы, стоящие на пути у осуществления мечты.

Первым встал вопрос, как же преодолеть расстояние в десять часов ходьбы. Средняя скорость ходьбы 4—5 километров в час, значит, расстояние до нового перехода – около сорока-пятидесяти километров. Получалось, почти марафонская дистанция. Профессиональные спортсмены преодолевают такую дистанцию за два с половиной часа. Ему нужно за три. Вроде как есть запас в полчаса, но он так быстро бежать не сможет.

Вариант с бегом отпадает. На автомобиле можно проехать за полчаса, но нет там ни автомобилей, ни дорог.

– Думай, думай, Василич! – кричал Василич на весь лес.

Надо использовать какой-то вид транспорта. Но какой, в условиях непромышленного мира? Надо его придумать, но и потом собрать и деревья, льна с минимумом гвоздей, совер-

шенно без пластмассы, алюминия и двигателей внутреннего сгорания. Столь высокие технологии в одиночку ему не осилить и за пять жизней. Такого запаса времени у него нет.

Подходя к дому, Василич успел расстроиться, представляя все больше трудностей, которые ему предстоит преодолеть. Сможет ли?

У калитки стояла Галина Никифоровна, как дурной знак. Василич опустил глаза, и хотел проскользнуть за забор. В последнее время соседка проявляла невиданную бдительность и любопытство.

– Добрый день, Иван Васильевич! – улыбаясь большими золотыми зубами, громко приветствовала его Галина Никифоровна.

– И вам добрый день, – кивнул Василич, пришлось остановиться. Широкая и пышная грудь соседки перекрывала треть прохода. Не проскользнешь, не надавив на женскую сущность Галины Никифоровны.

– Куда ходил в такую рань, соседка? – сплетница поправила выбивший локон темных крашенных волос, заправив его под разноцветный платок. – За грибами вроде поздно. Идешь из лесу налегке. Ничего не несешь. Странно.

– Я кому-то должен докладывать, куда хожу? – исподлобья зыркнул на сплетницу Василич.

– Не обязан, конечно, – Галина Никифоровна шагнула навстречу Василичу, ее грудь уперлась в дождевик мужчины. – Но по-соседски мог бы и рассказать. А то люди разное про тебя говорят.

– Про меня разное говорите только вы, – Василич тыльной стороной ладони попытался отодвинуть соседку с пути, но преграда устояла. – Всем остальным до меня нет дела. Вам скажу по секрету: ходил к любовнице. Устроит такой ответ?

– Ну к любовнице, так к любовнице, – Галина Никифоровна все пыталась заглянуть в глаза соседу, тот изворачивался, как мог. – В той стороне одни лешие, да кикиморы болотные живут. Твою любовницу не Бабой Ягой часом зовут?

– Спасибо, что догадались сами, – Василич бросил условности, взял соседку двумя руками за плечи и отодвинул с дороги. – До свидания, мне пора.

Василич сплюнул себе под ноги. Ой, не к добру такая встреча, не к добру. Громко хлопнул калиткой.

– Вечно она лезет не в свое дело, – брuchал себе под нос, переодеваясь в домашнее, Василич. – Что ей надо? Может замуж за меня хочет?

Мысленно послав навязчивую соседку ко всем чертям, Василич взял заветную тетрадку и записал свои мысли. На отдельной страничке отметил пожелания Магнума Петровича. Сразу же переписал по памяти письмо для фрау Мюнц в Мюнхен, и адрес. Чистого конверта в доме не нашлось. Но не беда, на почте купит.

Посмотрел на часы. Сегодня еще можно успеть на почту. Но он спешил не торопиться. Для начала Василич составил план исследований на ближайший месяц: лампочка, батарейки, аккумулятор, велосипед, воздушный шар.

Теперь хорошо бы придумать, как преодолеть за три часа расстояние в пятьдесят километров. Получалось нужна скорость двадцать километров в час, чтобы с запасом. Но и этого мало. Надо понять и подготовиться, чтобы выжить в необитаемом мире.

Раздумывая над поставленными вызовами, Василич пришел на почту. На месте купил чистый конверт, вложил послание внутрь, запечатал, написал адрес и отдал работнику почты.

– Мюнхен? Блюменштрассе, дом 18? – из-за стойки приподнялась старушка-божий одуванчик в больших круглых очках.

– Да, все верно.

– Первый раз у нас такое письмо, – покачала головой почтмейстерша.

– Бывает.

- Вам надо доплатить за международное письмо.
- Хорошо, давайте доплачу. Сколько с меня?

Возвращаясь с почты Василич посмотрел по сторонам, и обратил внимание на пристальные взгляды односельчан.

– Неужто правду говорит Галина Никифоровна? Правда про меня пошли слухи по деревне?

Жизнь в деревне скучнее и однообразнее, чем в больших городах. Там на каждом шагу выставки, театры, проспекты, там богема, большие люди, олигархи, политики, элиты, так сказать. Поэтому любое мало-мальское интересное событие в деревне обсуждается самым тщательным образом. Василич хоть и прожил всю жизнь в деревне, но никогда не участвовал в обсуждениях односельчан и потому не предполагал, что его самокаты и качели заинтересуют соседей. Ну и что с того, – подумал он теперь, – пускай обсуждают, ничего страшного я не делаю. Это не противозаконно. Наши люди немного пообсуждают, затем привыкнут и забудут. Лучше не обращать внимания.

Василич с каждым месяцем все больше удалялся от бытовых и мелких проблем. Ему нравилось его новое состояние. И пугало одновременно. Получится ли? Теперь ему предстояло решать две задачи: помочь соседнему миру с технологиями и найти дорогу в новый мир номер три. Там предстояло обустроиться и выжить, не одному, а с любимой и детьми. Чтобы эффективно управлять своим временем, он разделил рабочий день на две части: до обеда он занимался новыми технологиями, после обеда – работал над переходом в третий мир. Ну, как работал? Искал, думал, ворошил интернет.

Исследовательская деятельность, как всегда, начиналась с поиска информации. Василич много читал, искал, распечатывал. Далее следовали практические испытания и создание опытного образца. Раньше он и не предполагал, что можно в домашних условиях сделать лампочку. Оказывается, можно, и ничего сложного в том нет. Огромных трудностей не возникло и при изготовлении батареек с аккумуляторами.

Намного сложнее оставалось с решением транспортной проблемы. Расстояние в пятьдесят километров сложно проскакать верхом без замены лошади. Но лошадей в соседнем мире не было. Вариант обучения верховой езде отменяем. А так было бы нарядно, как гусар, в золотых эполетах, на заре, по росе... Жаль.

Можно проехать на велосипеде. Правда, аппарат еще надо сделать. И ехать на велике с такой скоростью можно только по асфальтовым дорогам. А не по диким лугам и болотам. Вариант велогонщика тоже пошел в мусорную корзину.

И в это самое мгновение, когда уже казалось, что вариантов больше нет, пришла идея про воздухоплавание. В голове ярко нарисовалась картина, будто он летит над деревней Маши на дельтаплане. Откинув в сторону одеяло, Василич включил комп и просидел у экрана до утра. Прочитав сто пятьдесят четыре статьи про дельтапланы, про их конструкции, Василич понял: выход найден. Но нужны навыки пилотирования. Предстоит не только построить дельтаплан, но научиться летать.

Прямо с утра он нашел ближайший клуб дельтапланеристов. Записался на собеседование на следующий день. Поехал рано с утра. Инструктор подозрительно посмотрел на претендента, не мальчик вроде. Но горящие глаза напомнили инструктора его молодость, и он принял Василича в обучение. Теперь он по выходным ездил на занятия под Тверь в клуб «Альбатрос». Параллельно в саду мастерил из картона, фанеры и сухих деревяшек собственный дельтаплан.

– Скорее всего, летные технологии пригодятся и для мира Магнума Петровича, – подумал Василич и вторую половину месяца занимался исключительно дельтапланеризмом.

В конце месяца собрал собственный дельтаплан и провел первые летные испытания за деревней. Разбежавшись с горки над карьером, Василич пролетел над полем около ста метров.

В деревне поднялась новая волна разговоров про Василича и его сомнительное летное увлечение. Взрослые, особенно вдовствующие пенсионерки, решительно осуждали новоявленного дельтапланериста. Однако, испытания проходили под неизменные аплодисменты местной детворы. Любопытствующие взрослые тоже приходили поглазеть. Не каждый день в деревне люди летают.

За три дня до перехода к Василичу зашел участковый Никита Владимирович.

– Здравствуй, Иван Васильевич, – участковый по-хозяйски окинул взглядом холостяцкое жилище. – Как поживаешь?

– Здравствуйте, начальник, – Василич предложил жестом полицейскому присесть. – Все нормально. Вы ко мне о деле или просто так, для профилактики?

– Что же ты, брат, так агрессивно? – участковый присел на табуретку, табуретка предательски скрипнула, снял форменный картуз. – Или не любишь нас, представителей органов внутренних дел?

– Да кто же вас любит-то, ежели честно? – Василич сел напротив, вытер руки о бока рубахи. – Когда вы нужны, не дозвонишься. Когда не надо, сами приходите без спору.

– Вона оно как? – участковый добродушно улыбнулся. – Бывает. Сигнал на тебя поступил, Иван Васильевич. Обязан провести с разъяснительную работу. Выявить нарушения. Пресечь кривотолки.

– Пресекай, коли положено. На что жалуются-то селяне? Что я натворил? Может чаю?

– Нет чаю не надо. А чего другого не положено. Обойдёмся. Много чего говорят. Самокаты самодельные несертифицированные детям раздаешь. Те падают. Как результат – синяки, ссадины и слезы. Матери недовольны. Стучишь в мастерской, шумишь и пилишь по ночам. Говорят, что взрывал что-то в лесу. Дельтаплан опять же смастерил. Людей подвергаешь неоправданному риску. Аморальный образ жизни ведешь, любовницу после смерти жены завел, бегаешь к ней по ночам. В церковь не ходишь, с соседями вежливо не разговариваешь. Это для начала.

– Вона оно как, – Василич печально улыбнулся. – Да у вас, гражданин начальник, на меня цельное досье. Когда задерживать будете опасного преступника? Дадите ли время вещички теплые собрать, зубную пасту, щетку?

– Ты, это, не передергивай. Надо будет арестовать – арестую. Сейчас я пришел провести профилактическую беседу, так как имеется сигнал. Обязан среагировать. Порядок такой.

– Хорошо. В чем я виноват? – Василич раскраснелся от несправедливости общечеловеческой. – То, что мальчишки синяки набили, ударились коленками об землю? Но серьезных травм нет, на то они мальчишки, чтобы собирать ушибы и ссадины. Что по ночам стучу и пилю – то не правда. Дельтаплан делаю самостоятельно, никого к нему не подпускаю, испытываю сам. Если и рискую, то только своей жизнью. Если вы про церковь, то не знал, что наша полиция будет следить за тем, кто ходит в церковь, а кто не ходит. Мне кажется, не ваше это дело. Что грубо разговариваю с соседкой, так сама виновата, лезет ко мне с расспросами: куда пошел, откуда пришел. Отчитываться я ей не обязан. Любовницы у меня нет, а если бы и была, тоже не дело полиции. На все вопросы ответил?

– Вроде как ответил, – ухмыльнулся участковый. – Дерзкий ты какой-то, Иван Васильевич. Раньше вроде ты таким не был.

– Не знаю, раньше, ты, Никита Владимирович, ко мне по таким вопросам не приходил. Дело для меня новое.

– Не хотел я, но видимо придется тебя взять на карандаш. В общем, делаю тебе замечание, устное пока: самокатов, велосипедов, качелей и прочих самоделок для детей не делать. Запрещаю категорически. Понял меня?

– Понял, – буркнул Василич.

– Коли разобьется пацаненок чей-то, беды не оберешься. Ежели сам разобьешься на дельтаплане, дело твое. Но никого другого к игрушке не подпускай. Понятно?

– Слушаюсь, гражданин начальник.

– И не дерзи, вежливей разговаривай с односельчанами. Не хамил бы соседке, не пришел бы я к тебе. Услышал?

– Услышал.

– Вот и молодец, – участковый вытер пот со лба. – Что тебе еще сказать на прощание?

– Ничего не говори. Я и так все понял. Не дурак.

– Ну, все, будь здоров, коли так, – участковый поднялся, табуретка еще раз предательски скрипнула, Никита Владимирович огляделся еще раз, нахлобучил фуражку на лоб, отдал честь и вышел на улицу.

Василич понуро сидел на табуретке еще пару минут. Что это было? За всю жизнь участковый к нему не приходил ни разу. И вот на старости лет нарисовался. Сделал качели и самокат для детей, а на меня жалобу? Что же вы, дорогие односельчане, творите? Если сидишь тихо-мирно, не высовываешься, даже побухиваешь по выходным, жену бьешь по праздникам – никому нет дела до тебя. А если дельтаплан соорудил и оторвался от земли, на тебя сразу донос в полицию? Примите меры, рядом живет особо опасный преступник?

Вышел Василич на улицу, посмотрел на соседей справа. Потом на соседей слева. Подумал, что вот ему нет дела, что делают там соседи. Главное, чтобы мусор под окна не кидали. И на том спасибо. Если у кого праздник, и пошуметь захотели и песню спеть, так только хорошо. Радость же у людей. Если стройка или ремонт какой случится, и пошуметь надо, тоже ничего страшного. Дело житейское.

– Сделаю я забор повыше, чтобы не лезли любопытные носы не в свое дело, – решил Василич, достал рулетку и обмерил периметр участка.

Не откладывая дело в долгий ящик, приоделся, достал зачанку и поехал на строительный рынок.

После обеда Василич уже разгружал зеленый профнастил, металлические столбики и трубы 20 на 40 для перекладин. Вечером же начал разбирать старый забор. Последние три дня до перехода Василич занимался только забором. Лучше успеть до больших заморозков поставить столбики. Профнастил можно прикрутить и при морозе.

Переход предстоял вечерний. Василич вышел в лес до обеда. Учитывая повышенный интерес к его персоне, направился в противоположную сторону. Любопытные граждане должны были подумать, что пошел Василич в город. Почему пешком? Не ваше дело. Когда деревня скрылась из виду, свернул в лес. Сделав приличный крюк по лесу, углубился в чащу и взял курс в сторону перехода.

Успокоился Василич только, когда зашел в лес. События последних дней изрядно потрепали психику. Василич тревожно спал, потерял аппетит, постоянно оглядывался. Казалось, что за ним кто-то наблюдает. Не хотел он привлекать внимания, получилось наоборот. Хорошо еще, что никто не догадывается о его истинной мотивации, о шпионаже в пользу параллельного мира, о желании перейти нелегально границу нашего мира. Василич не был уверен, но вдруг – это преступление.

Однако, получилось, что Василич привлек внимание общественности и даже полиции. Интересно, если полиция, ФСБ или ГРУ докопаются до него и узнают правду, что произойдет? Это преступление против России или против всей цивилизации? Есть ли наказания за такие поступки? Эх, жаль нет знакомого юриста, чтобы проконсультироваться.

Можно ли приравнять переход границы миров к переходу границы государства? Надо ли оформлять визу и проходить таможенный контроль? Нарушаю ли я закон о границе страны, о таможенном контроле? Космонавты, когда летают в космос, проходят таможенный контроль?

Им ставят штамп о пересечении границы страны? Бред какой-то полез в голову, – подумал Василич.

В сердцах махнул он рукой, беда приходит совсем не оттуда, где ее ждешь. Борешься с пространством и временем, переходишь из мира в мир, сеешь разумное-доброе-вечное, а в итоге натыкаешься на государственные органы, которые в одну секунду поставят на контроль, пресекут нелегальную деятельность, наложат наказание в виде лишения свободы или исправительные работы. Но и этого мало, затем они постараются извлечь государственную выгоду. Тогда пиши пропало.

Отягощенный невеселыми мыслями Василич вышел на поляну к пещере. Та серьезно изменилась за последний месяц. Листва частично облетела и покрыла желтым покрывалом пожухлую траву. Осиротелые стволы деревьев и кустарников теперь плохо защищали от посторонних глаз, если бы таковые появились. До перехода оставалось полтора часа.

– Поскорей бы смыться отсюда. Как же мне это надоело, – шепнул себе под нос Василич.

Он снова разжег костерок. Сгреб павшую листву, сучки и сухостой. Вспомнил, что хотел сделать утепленную сторожку для переодевания, да увлекся дельтапланеризмом и строительством забора. Прищурившись, смотрел на весело трепещущее пламя. Пытался представить новый необитаемый мир. Интересно, какая там погода? Среднегодовая температура, близко ли море.

Вдруг там пальмы и вечное лето? Бананы, ананасы, море и друзья людей – дельфины? Сразу после свадьбы они часто мечтали с Машей поехать к морю на ПМЖ. Собирались приобрести маленький дом на склоне горы с видом на лазурную гладь и поселиться вдали от людей. Хорошо ведь питаться селедкой и крабами, выловленными своими руками.

Или там такой климат, что тяжело дышать из-за жары. Или там безумно холодно? Хотя вряд ли, иначе бы Магнум Петрович предупредил. А так он просто сказал, что тот мир необитаем. Нет людей там. Не особо они и нужны.

Незаметно пролетело время, Василич глянул на часы – пора! Подкинул хвороста в костер. Огляделся. Вроде никого не видно. Да и откуда здесь взять людям? Зашел в пещеру, разделся, сложил аккуратно одежду на полки и вприпрыжку побежал вглубь пещеры. На этот раз стало еще холодней, чем в прошлый раз. Как же зимой переходить, когда мороз под тридцать градусов? В особенно выходить.

– Выйдешь, пока будешь одеваться, то околеешь. Ладно, что-нибудь придумаю, – решил Василич. – Вон впереди уже знакомый свет.

Он выбежал из пещеры. Теплый ласковый воздух окружил его заботой. Как же здесь хорошо и тепло! Почему нельзя остаться в этом мире навсегда? Здесь почти всегда лето! Обидно.

На скамейке у избышки сидела Маша. Увидев голого Василича, она вскочила и кинулась на встречу к мужу. Обнялись и замерли в долгом поцелуе.

– Здравствуй, милая! – с трудом разлепил уста Василич.

– Добрый день, дорогой! – Маша с многообещающей хитринкой посмотрела на мужа. – В избышке я тебе приготовила сюрприз, пойдем быстрее.

Зашли внутрь, на полу лежал широкий белый матрас. Машино платье, как и в позапрошлый раз, легко соскользнуло к ногам. Супруги одновременно шагнули на матрас. Время ненадолго остановилось...

– Я по тебе скучаю, – сообщил Василич, немного отдышавшись. Прижал к себе жену. – С каждым разом все сильнее и сильнее. Разлучаться не хочется совсем.

– Ага, и я дни считаю, – на глазах Маши выступили слезки. – Вышила тебе рубашку. Жаль, что ты не возьмешь ее с собой. Смотри.

Маша вскочила схватила вышитую красными крестиками льняную рубашка. Василич на рубаху не смотрел, на мог оторвать взгляда от груди, от плавных изгибов бедер, от волнующего волосяного треугольника между ног.

– Я придумал, как добраться в новый мир, – Василич потер глаза, надо было переходить к делу. Так в любовных утехах можно проваляться все три часа. – Мы сделаем дельтаплан. Я долечу часа за два. Дома я записался в клуб дельтапланеристов и теперь езжу каждый выходной на занятия.

– Так это же здорово! – Маша ахнула, потом восторженно посмотрела на своего мужчину. – Я всю голову сломала, думая, как же тебе добраться до перехода. Мы с детьми спокойно туда дойдем. И тебя подождем. Постой! Это не страшно?

– Нет, что ты, – Василич стал одеваться, чтобы не вдаваться в скользкие вопросы техники безопасности. – Это очень просто. Технология постройки дельтапланов разработана и доведена до филигранного совершенства. Скорее пойдем к Магнуму Петровичу, я ему все расскажу. Надо действовать.

– Пошли, – Маша ловко накинула просторное платье через голову. Василич, пропуская Машу вперед, потрогал попу.

На этот раз Магнум Петрович не ждал их у избушки. Ремесленно-трудовой актив деревни собрался в той же крайней избушке, как и в прошлый раз. Василич поздоровался со всеми старыми знакомыми. Друзья радостно загудели, здороваясь и протягивая ладони для рукопожатий.

– Ну что, начнем? – хлопнул в ладоши Василич.

– Начнем, – хором ответил местный народ.

Василич сел во главе стола, взял бумагу и карандаш. Присутствующие облепили источник знаний. Василич первым делом рассказал и нарисовал, как делать лампочки, батарейки и аккумуляторы. Затем нарисовал схему, как построить воздушный шар. И только потом, еле сдерживаясь перешел к самому главному:

– А теперь я вам хочу рассказать про средство воздушного передвижения, которое пригодится не только вам, но и просто необходимо мне, – Василич на брал воздуха в легкие. – Дельтаплан, дорогие мои. Дельтаплан.

Василич взял самый большой лист бумаги, уверенными движениями нарисовал, попутно комментируя, схему и принцип действия дельтаплана. Будущий дельтапланерист рассказал теорию полетов так эмоционально и заразительно, что заинтересовались все без исключения. Мастера и ремесленники задавали толковые вопросы и даже немного спорили. Самые умные вносили рационализаторские предложения. Маша положила голову на ладони и не могла насмотреться на любимого мужа, какой же он замечательный.

– Взлететь на дельтаплане можно, разбежавшись с горки, чем круче склон, тем лучше. Дома я сделал самодельный дельтаплан по этой схеме и провел первые летные испытания. В течении следующего месяца доработаю конструкцию, и продолжу оттачивать полетные навыки. Думаю, что вам следует собрать две, а лучше три, модели дельтапланов. Подыщите в округе подходящую горку с наклоном 30—40 градусов. Следующий раз проведем пробные полеты. Как вам план?

– Отлично! – ответил за всех Магнум Петрович, мастеровые похлопали Василича по плечам.

Затем Магнум Петрович отчитался о проделанной работе. Угостил Василича местным сыром.

– Друзья, на сегодня – все, расходимся, – Глава селения строго посмотрел вверх голов местной технологической элиты. – Мне надо пообщаться с Иваном Васильевичем лично. Работаем. Делу время!

Магнум Петрович скомандовал, и лучшие умы этого мира поспешили покинуть комнату для совещаний. Уходя, тепло прощались, подмигивали и кидали на прощание крепкие слова, которые на всех языках Вселенной звучат примерно одинаково.

– Магнум Петрович, расскажите про третий мир, – Василич подсел поближе. – Какая там погода? Почему вы решили, что он необитаем? Можно ли там жить?

– Жить можно, – Магнум Петрович положил ладони перед собой. – Я ходил туда три раза. Хотел найти цивилизацию и наладить обмен знаниями. Все четыре раза шел дождь, лишь изредка выглядывало солнышко. Погода, в принципе, теплая, градусов двадцать пять-тридцать по Цельсию. В первый раз плохо подготовился и быстро промок. Побродил под дождем пару часов и вернулся. В следующий раз я учел свои ошибки. Подготовился, взял с собой помощника, нашего кузнеца Горыныча. Вдвоем было все повеселей. Однако, как и в твоём переходе ничего с собой взять нельзя. Выходишь в новый мир голый и идеально чистый. Поэтому, первым делом, мы соорудили одежду из листьев и коры деревьев. С питанием проблем не было, там много фруктов. Мы немного обустроили пещеру, Горыныч смог добыть огонь, и мы просушились. Потом даже поймали змею и поджарили на огне. Из кожи рептилии сплели сандалии.

– Здорово, – потекли слюнки, Василич вдруг вспомнил, что сегодня, кроме кусочка местного сыра, его не покормили. Жаль.

– Через три часа нас не выкинуло обратно. Оказалось, что там можно оставаться, сколько душе угодно. Мы приоделись и пошли вниз по склону, скоро вышли к морю. Скорее всего, это океан, величественный, большой и спокойный. Мы свернули направо и пошли вдоль берега. Через семь дней пути мы вернулись на то же место, откуда вышли. Сделали вывод, что попали на остров. Мы нигде не встретили признаков цивилизации. Ни звука, ни шума, ни огонька на суше и в океане. Ни строений, ни пустых бутылок или ни следов костра. Домой вернулись ни с чем. Жить там можно, но не понятно зачем?

– Зачем тогда пошли в третий раз? – возник резонный вопрос у Василича.

– Сидя уже дома, мы с Горынычем подумали, что надо бы оставить сообщение о себе. Остров казался необитаемым, но где-нибудь могут располагаться большие континенты, на которых живут люди. Третий раз мы снова пошли с Горынычем. Мы второй раз обошли остров вдоль берега, но теперь через каждые 10—15 километров сооружали пирамидки из камней. Под ними выкапывали тайники, куда закладывали белые камни с нацарапанными сообщениями. Мы также регулярно делали насечки на деревьях. В общем, мы пытались наследить. Если бы там появились люди, они бы заметили. Могли бы оставить ответное послание.

– Вы ходили проверять? – Василич в ожидании наклонился вперед. – Неужели ничего?

– Ходили, – Магнум Петрович развел ладони в стороны. – Полгода назад мы с Горынычем ходили четвертый раз. Проверили наши тайники и обновили насечки. Никаких следов, кроме наших, не обнаружили.

В комнате повисли пауза. Нехорошо, конечно, жить на необитаемом острове. Но там тепло, бананы и дикие животные. Но что скажет Маша?

– Жаль, конечно, что вы не нашли людей, – Василич с надеждой посмотрел на Машу. Если она не захочет, то все напрасно. – Знаешь, милая, мне нравится тот мир. Главное, там можно жить семьей с детьми. Маша, тебе как? Годится?

– Ага. Я согласна, – Маша пододвинулась к мужу, и схватила его плечо обеими руками.

– Магнум Петрович, предлагаю план, – Василич поцеловал Машу в затылок и вернулся к деловому разговору. – После того как мы построим дельтаплан и протестируем его, в следующий же раз переходим в новый мир. Я бегом выхожу, взлетаю на дельтаплане и лечу. Чтобы я не сбился, на земле следует проложить какие-нибудь ориентиры, флажки или что-нибудь подобное. Маша с детьми выйдет к переходу заранее.

– Хорошо, чем смогу помогу, – кивнул Магнум Петрович. – Могу даже иногда в гости заходить, если не прогоните.

– Магнум Петрович, мы рады вам всегда. Приходите в любое время дня и ночи, – вставила улыбающаяся Маша.

– Хорошо, договорились. Василич, у меня новые заказы. Нам нужны домкраты, лебедки, прялки, деревообрабатывающие и ткацкие станки.

– Постараюсь, – Василич мысленно повторил список. – А сейчас мне пора уходить. Чувствую, как переход готовится к закрытию.

Все сразу встали, расслаживаться слишком опасно. Опоздаешь всего лишь на минуту и все планы пойдут коту под хвост.

– Да, конечно. По моим прикидкам, у вас осталось минут двадцать. Не смею задерживать. До свидания, Иван Василич, – Магнум Петрович крепко пожал руку и вышел.

Маша и Василич поглядели друг на друга. У обоих в глазах горел азарт и ожидание чуда. Неужели получится? Это будет очередное волшебство. Умереть. Встретиться после смерти. А теперь еще есть во возможность жить вместе, долго и счастливо. Только бы не привыкнуть к чудесам. К хорошему быстро привыкаешь. Будет совсем плохо, если они внезапно закончатся.

– Маша, пойдем, – Василич отмахнулся от сомнений. Сейчас не время. Надо верить, и тогда у них получится. – По дороге поболтаем.

– Я так горжусь тобой, – Маша подпрыгнула и повисла на плечах Василича. – Здорово ты придумал с дельтапланом. Вообще ты такой молодец! Ты так много делаешь для нашего мира. Я не сомневаюсь, что у тебя получится. Ты мой герой! Мне хочется поскорее переехать в дождливые и сумрачные джунгли. Лишь бы с тобой. Будем жарить на костре змей и кроликов. Пожирать тонны бананов, которые там растут где ни попадя.

– Я тоже хочу туда. Я тебе не успел рассказать, – Василич поцеловал Машу, положил ее руку себе на локоть, и семейная пара вышла на улицу. – На меня начали коситься деревенские бабки. Участковый приходил, интересовался, чем я живу. Не к добру это. Соседка Галина Никифоровна приставала с расспросами. Зыркает через забор. Сплетни пускает по деревне. Деятельность моя становится слишком заметной.

– Соседка у нас, конечно, мерзкая, – согласилась Маша. – А ты ей, между прочим, всегда нравился. Она на тебя давно глаз положила. Не пристаёт к тебе? Ты ей передай, если только попробует, я к ней по ночам приходиться буду.

– Ну ее, – Василич плюнул на пыльную дорогу. – Лучше с ней не связываться. Надо потерпеть еще немного. Ради нашего воссоединения я готов на все. Постараюсь не обращать внимания. Я, кстати, решил построить хороший забор из зеленого профнастила. Ты не против?

– Из зеленого? – Маша остановилась, выдернула руку. – Ты почему со мной не посоветовался? Я хотела из бордового? Под цвет крыши. Ты вообще не соображаешь?

Маша кричала и топала. Василич смотрел на столь бурную и весьма неожиданную реакцию супруги на цвет забора, где ей уже никогда не придется жить.

– Маш ты что? – Василич поймал руки Маши и прижал к себе. – Мне главное, огородится на пару месяцев от назойливых глаз. А зеленый был дешевле, и советоваться я не мог с тобой.

– Да?

– Ну, конечно. Мне надо спокойно доделать дельтаплан. А если все соседи будут пялиться на мой участок, то можно все испортить.

– Ты прав, извини, – Маша вытерла появившиеся было слезы. Они как раз подошли к переходу. – Ты меня не слушай. Дура я у тебя совсем.

– Ты у меня самая славная, – Василич обнял Машу. – Я тебя очень люблю.

– И я.

Василич снял местную одежду, передал ее жене.

– Ну все, любимая, пока. Обнимай детей, – Василич еще раз поцеловал Машу и шагнул в темноту пещеры.

Через пару минут он вышел в родной холодный лес. Подумал, что теплый тропический дождь, не так уж и плохо. Спешно оделся и побежал к костру. Тот горел как будто Василич никуда не уходил. Протянул озябшие ладони костру.

– Следующий раз попробую оставить на костре горячий чай, – подумал Василич. – А лучше соорудить хижину с печкой, в которой будет тепло даже зимой.

Отогрелся, затем натаскал в пещеру сухих веток, коры и увядшей травы.

– Надо потихоньку обживать пещеру, – решил Василич, – принесу-ка я сюда инструменты, топор, лопату, молоток да гвозди. Эх, хорошо все-таки жить!

Василич набрал полные легкие свежего морозного воздуха и с удовольствием выдохнул. Напоследок осмотрел свое лесное хозяйство, затушил костер старым пионерским способом и направился домой. Решил поплутать, чтобы запутать следы и сбить с толку возможных соглядатаев. Вышел к деревне со стороны города. На улице стояла глубокая ночь. На свою радость Василич никого не встретил. Пришел домой, усталый, тревожный, но быстро заснул крепким сном. Может он зря наговаривает на односельчан? Всем, по большому счету, должно быть равнобедренно, куда он ходит, зачем самокаты делает, почему хочет подняться к небу, как Икар.

Заснул на этот раз Василич легко и быстро. Спал хорошо, глубоко с приятными сновидениями, где они с Машей купались в голубом океане с дельфинами, пили колу с ромом, целовались и занимались разными взрослыми глупостями.

Дни потянулись длинные, тоскливые, связанные с ожиданием следующей встречи с родными, но с другой стороны они были наполнены трудами, обучением и поиском информации. Для начала Василич ударными темпами достроил забор. Отгородившись от внешнего мира, принялся вылизывать конструкцию дельтаплана и шлифовать мастерство пилотирования. Для проведения летных испытаний, к сожалению, приходилось выходить за периметр участка. Чтобы меньше светиться, Василич вставал затемно, выходил на горку часам к пяти-шести утра, пока вся деревня спала. Вдоволь налетавшись, возвращался домой часам в восьми, уставший тащил на себе сложенные крылья дельтаплана.

Однако, Галина Никифоровна вставала тоже рано. Внимательные глаза не только провожали и встречали Василича, соседка обязательно выходила на крыльцо дома и приветствовала единственного в своем роде деревенского пилота. Пускай знает, что общественность не дремлет. Василич знал, что находится под неусыпным контролем.

Полеты получались с каждым разом все лучше, ровнее и дальше. К концу месяца Василич научился ловить восходящие потоки и взлетать против ветра. У него появилось чувство воздуха, теперь прозрачность над землей стала плотной, состоящей из нитей и струй, за которые можно держаться, надо только почувствовать.

Василич на собственном опыте понял, что для полетов на дельтаплане ветряная погода интереснее. Он научился взлетать, облетать поле по заданному маршруту и возвращаться на стартовую площадку. К концу месяца Василич прекратил поездки в клуб дельтапланеристов, было жалко терять много времени на дорогу туда и обратно. Самое главное он там получил – первичные навыки. Осталось оттачивать мастерство ежедневными тренировками.

Вдоволь налетавшись, Василич принимался за поручения Магнума Петрович. Вытягивал из интернета конструкции лебедек и станков. На этот раз работающие образцы Василич решил не делать, не хватало времени, просто перерисовывал чертежи и схемы, вникая в принцип работы механизмов. К концу месяца на столе в большой комнате скопилось стопка бумаг с техническими эскизами высотой сантиметров десять.

Оставшийся малый кусочек времени Василич тратил на изучение опыта жизни в диких джунглях: как построить хижину, как сделать одежду из подручных материалов, как добыть огонь, как собрать воду, чем можно питаться.

Некоторое навыки выживания Василич проверял. Для этого уходил в лес и собирал съедобные корни. Пробовал разжечь огонь без зажигалки или спичек. Добыть огонь долго не получалось, но упорство и труд делают из новичка мастера. Огонь разгорелся.

Василич старался не общаться с односельчанами. Разве что здоровался во время похода в магазин за продуктами. От посторонних взглядов его деятельность надежно защищал новенький забор. Однако, интерес к его персоне со стороны сплетников и бездельников не утихал. Назойливому вниманию немало способствовала сердобольная соседка Галина Никифоровна. По деревне ходили слухи, что Василич сбрендил и что у него модная сексуальная ориентация. Где это видано, чтобы мужчина в расцвете лет не обращал внимания на еще цветущих женщин? По другой версии, он значился американским шпионом, посланным к нам из Грузии через дружественную пока Армению. Третий, самый верный, вариант, что Василич потомственный колдун и маг второй степени, умеет заряжать воду и наводит порчу. За это его некоторые побаивались и обходили стороной.

Проходя по деревне, Василич ловил изучающие взгляды. Односельчане оборачивались и останавливались. Собирались в кучки по 2—3 человека. Перешептывались. Тратить время и силы, чтобы изменить мнение окружающих, он не собирался. Менять образ жизни на потребу публики, тем более. Василич поставил высокую цель, объединиться с семьей. Это важнее. Никому не объяснишь. А если попытаешься, запишут в психи.

– Думайте, что хотите. Меня здесь уже практически нет, – нашептывал Василич и шел своей дорогой.

В середине месяца выбрался к пещере. Сколотил сторожку-избушку два на два метра. Выложил внутри печку из камней. Пробно протопил. Внутри домика почти мгновенно стало тепло. Годится, решил Василич. Теперь можно встречать зиму.

Этот месячник обошелся без участкового. За день до перехода, Василич провел очередные летные испытания. Освежил в памяти, приобретенные за последний месяц знания, пролистав записи и чертежи. Пораньше лег спать, и чуть свет вышел в точке перехода.

Снова решил, что береженого бог бережет, и направился в противоположную от города сторону. Только, когда деревня скрылась из виду, свернул в лес. Поплутал для приличия, благо времени было много.

К переходу на этот раз пришел минут за двадцать до срока. Быстренько растопил печку. Перед уходом подкинул дровишек, поставил чайник, разделся и сиганул в переход.

На выходе его ждали Магнум Петрович и Маша.

– Здравствуйте, мои дорогие, – Василич обнял и поцеловал Машу, пожал руку Магнума Петровича.

– Иван Васильевич, добрый день! – Магнум Петрович взял инициативу в свои руки, не дожидаясь пока Василич оденется. – Давайте, не теряя времени, сразу на летные испытания. У нас мало времени. Идемте скорее за мной!

Магнум Петрович рукой показал в противоположную сторону от деревни. Процессия из трех человек спешной походкой направилась на «аэродром».

– Мы сделали три модели дельтаплана, – громко, немного задыхаясь от быстрой ходьбы, рассказывал Магнум Петрович. – Но вчера Горыныч не удержался и решил полетать самостоятельно. Само собой, никому не сказал, и как результат – неудачно упал прямо на взлете, вывихнул руку и разломал в щепки один из дельтапланов. Так что у нас к испытаниям готовы только два изделия.

– Это хорошо. Главное, есть с чего начать, – улыбнулся Василич, сердце радостно билось, с трудом оставаясь в груди.

Маша с трудом пыталась не отставать от мужчин. У всех было приподнятое настроение. Начинался новый и важнейший этап в их жизни. Минут за десять они пересекли недавно ско-

шенное поле и поднялись на невысокий холм. На вершине собрался местный народ. На земле отдыхали два дельтаплана. Мальчишки бегали вокруг толпы и играли в салочки.

– Здравствуйтесь, односельчане, – поздоровался Василич.

Селяне сдержанно ответили на приветствие кивками и взмахами рук.

Василич медленно обошел распластанные крылья. Проверил на крепость планки, упоры, нос.

– Начнем, – улыбнулся Василич и подлез под первый дельтаплан. Взял в руки рулевую трапецию. Закрепил страховочный трос. Попробовал пробежать метров десять. Тяжеловато, конечно, но для начала пойдет.

– Годится, – вслух сказал Василич.

Выбора все равно не было, надо учиться летать на том, что есть, – решил он. Дорабатывать конструкцию можно и потом.

Василич повертел головой, облизал палец и оценил направление ветра. Затем направил нос дельтаплана навстречу воздушному потоку. Разбежался, как только мог быстро, и встречный воздух приподнял дельтапланериста над землей. Василич полетел. На земле захлопали и заулюлюкали. Дельтаплан плохо слушался пилота, наверно к любой машине требуется время, чтобы приноровиться. Подняться вверх и даже развернуться не получилось. Пролетев всего сотню метров, Василич приземлился. Вернуться наверх ему помогли всем миром. Благо добровольцев хватало.

Собравшиеся повеселели, одобрительно кивали и улыбались. Василич чувствовал, что становится с каждой минутой все популярнее в этом мире. Как Чкалов или Гагарин.

Затем Василич протестировал второй дельтаплан. Этот аппарат получился более легким и летучим. Василич полетел. Взлетал и поднимался. Взлетал и поднимался. Каждый его полет вызывал бурные овации жителей деревни. Налетав полтора часа, Василич совершенно устал и подозвал Магнума Петровича.

– На сегодня полеты заканчиваем, – Василич вытер пот со лба. – Устал очень. Нам есть, что обсудить.

Откуда ни возьмись рядом появилась лавочка и стол, на столе материализовались пирожки и кувшин с квасом. Василич жадно приложился и выпил полкувшина. Проглотил два пирожка.

– Спасибо, мои хорошие, – улыбнулся Василич и вытер руки о штаны. – Начнем с дельтапланов. Все неплохо. Летаем, это главное. Но есть ряд замечаний. Во-первых, конструкция тяжеловата. Для облегчения надо использовать более легкое дерево или сверлить продольные отверстия. Во-вторых, попробуйте добиться более точной балансировки. Правая и левая половины дельтаплана должны быть идеально одинаковыми по массе и геометрии.

Пожелания Василич зарисовывал на бумаге. Закончив с дельтапланами, плавно перешел к чертежам станков и лебедок. Примерно через час Василич отложил карандаш и бумагу:

– На сегодня все, – Василич взял с тарелки последний пирожок. – Мне пора возвращаться. Дайте пару минут побыть с женой.

– Все, всем спасибо за внимание, расходимся, – скомандовал Магнум Петрович.

Народ уважительно закивал и стал расходиться.

– Как наши успехи? – улыбаясь, обратился Магнум Петрович к Василичу.

– Вы молодцы! Не ожидал, что у вас получится так здорово! Дельтаплан, когда доработаем, получится на славу. Какие пожелания на новые технологии? Мало времени, Магнум Петрович.

– Иван Васильевич, все тоже самое: станки, технологии добычи металлов, лекарства, электричество, солнечные батареи. Нам нужно все. Мы всему рады. Думаю, вам теперь виднее. Сами оцените, что можно сделать в наших условиях, то и приносите.

– Хорошо, договорились. До свидания, Магнум Петрович.

– До свидания, Иван Васильевич, – мужчины пожали друг другу руки.

Василич с Машей остались наедине. Они стояли на высоком холме. Обнимались целовались. Ветер развеивал волосы. Трепал просторные одежды. С полей тянуло ароматами скошенной травы и цветущих полевых цветов.

– Красиво тут у вас, – Василич показал рукой на лес, на поле и на извиляющуюся серпом речку.

– Это правда, – согласилась Маша. – Здесь очень красиво. Жаль, что ты не можешь остаться. Я тоже хотела тебе много рассказать. Знаешь, а ведь я теперь тоже занята целыми днями. Свободного времени осталось совсем мало.

– Рассказывай. Что здесь произошло в мое отсутствие? Только пойдем в сторону перехода. Хорошо?

Василич поцеловал Машу и взял ее за руку. Они стали медленно спускаться с холма.

– Угадай куда я ходила в этом месяце? – с хитринкой улыбнулась Маша.

– Не знаю. Куда?

– Я ходила в наш новый мир!!! – Маша расплылась в довольной улыбке и подпрыгнула вверх.

– Не может быть! Как там? – Василич поймал жену при приземлении и восторженно посмотрел в глаза. Как же он любил, когда Маша выглядела счастливой!

– Очень! Очень-очень! Это рай! – Маша захлебывалась от эмоций и не могла остановиться. – Представляешь, я жила там больше недели. Мы ходили с детьми, Магнум Петрович и еще пару человек из деревни, ты их не знаешь. На этой стороне мы обустроили лагерь. Жили здесь. Уходили в тот мир на день. Построили там дом с печкой. Сплели одежду из тростника, наготовили целую кучу дров. Самое интересное, что при переходе в новый мир я молодеда еще лет на десять. Представляешь, я на той стороне совсем молоденькая – лет двадцать—двадцать пять, не больше. Уверена, ты тоже помолодеешь. Мы станем вновь молодыми и беззаботными! Это просто чудо!

– Блин, как же здорово, если все получится! – Василич крепко прижал жену и остановил словесный поток поцелуем. – Нам дается еще один шанс. За что такая благодать? Не боишься, что придется потом расплачиваться?

– Не знаю. Не говори ничего. Надо поселиться там, тогда и будем разгребать новые проблемы. Сам понимаешь. Главное в том, что, когда мы придем, у нас будет жилье и кое-какая одежда. И всегда можно сходить в наш мир за помощью, если что.

– Но я-то, наверное, не смогу ходить. Рисковать не стоит, – Василич почесал затылок. – Самое печальное, пока не понятно, сколько лично мне отведено времени на новом месте. Вдруг, меня выкинет оттуда через три часа после перехода. Что мне делать, если мы теперь расстанемся навсегда. Ты не думала об этом?

– Думала, – Маша вдруг погрузилась. – Но не попробуешь, не узнаешь. Предлагаю не думать о грустном. Нам же так хорошо вдвоем! Правда?

– Да, конечно, милая.

Какое-то время супруги шли, взявшись за руки молча. Как только в пределах видимости появилась сторожка, Машу прорвала новая речь:

– Но это еще не все. Мне так много надо тебе сказать. Извини. Наши старшие дети не хотят идти с нами. Говорят, что будут ходить в гости. Понимаешь, у них здесь своя жизнь и планы. У Лизки появился мальчик, у них большая любовь. Васька с Мишкой увлеклись новыми технологиями, которые ты поставляешь. День и ночь пропадают в кузнице у Горыныча. Что-то строят, пилят, куют. Я их почти не вижу. Прибегут на минуту, съедят супа и убегают. Но мне нравится. У них глаза горят, и веселые они такие стали. А какие целеустремленные. Прямо, как ты. Я так тебя люблю!

Маша вновь повисла на плечах Василича.

– Ничего не поделаешь, – Василич нежно погладил Машу по спине. – Дети, вырастая, должны покинуть родной дом. Хотя у нас получается наоборот, мы покидаем дом, когда дети подросли. Наверное, так надо. Но ты сможешь их навещать, если соскучишься. И они будут приходить в гости. Как будто мы уехали на ПМЖ в Краснодар.

– Ага, – глаза Маши сверкали, как две яркие звездочки. – С твоим появлением, здешний мир становится интересней день ото дня. У людей появилось желание творить, развиваться, покорять природу. Нашим детям здесь интереснее.

За разговорами подошли к пещере. Василич разделся, оголив аппетитное помолодевшее тело. Передал кулек с одеждой жене. На прощание обнял ее и поцеловал.

– Не успели мы с тобой сегодня главное, – выдохнул Василич. – Ты не обижайся, мы обязательно наверстаем. Тем более крыша над головой с печкой уже имеется. Что там еще делать, молодым и влюбленным? Правда, любимая?

– Обязательно, милый, – Маша опустила руку в пах Василича. – Ты тоже не расстраивайся.

Маша убрала руку с мужского места, поняла, что не стоит дразнить и рисковать.

– Мне пора, – Василич немного смутился, кровь прилила вниз, голова помутнела, но, взяв себя в руки, продолжил заикаясь: – Н-н-нет, я... я оч-ч-чень расстроился. Теперь ждать целый месяц. Ты передай Магнуму Петровичу, что выделял время на личную жизнь. Хотя бы полчаса. Работа подождет.

– Хорошо, – улыбнулась Маша. – Передам.

Обнялись. С трудом разлепились. Василич с каждым разом уходил все труднее и труднее. Наверное, если не получится дойти до нового мира, расставания станут невыносимыми. Он опустил голову, глубоко выдохнул и пошел домой, туда, где забор из зеленого профнастила.

В сторожке костер горел, чайник еще не закипел. Время здесь без него не двигалось. Это, конечно, странно. Получалось, что он проживает времени больше, чем любой другой житель Земли. За календарный год он проживал 365 дней 6 часов, как все. И еще примерно 36 часов дополнительного времени в другом мире. Время относительно, – подумал Василич, – жаль не с кем поделиться столь замечательной догадкой. Хотя я, кажется, что-то подобное уже слышал. Старина Эйнштейн что-то говорил по этому поводу.

Василич забежал в сторожку, но все равно продрог. Поэтому немного погрелся у костра, чайник тем временем закипел, и Василич с удовольствием выпил чаю с бубликом. С маком. Попытался собраться с мыслями. Спешка осталась в Машином мире. Теперь предстояло все хорошенько обдумать. Получалось, что нужно еще пару месяцев, два полетных испытания и можно рвануть в новый мир. Сколько их еще будет в жизни Василича? Неизвестность почему-то не страшила. Она манила.

Домой он вернулся к обеду. Даже для середины дня, ему встретилось слишком много односельчан. Складывалось впечатление, что все живые вышли его встречать.

– Или провожать в последний путь? – пошутил про себя Василич. – Чего они выперлись? Непонятно.

Василич нехотя здоровался, кивал, иногда приподнимал правую руку. Мысленно он находился не здесь. Василич сделает все возможное, чтобы как можно быстрее покинуть этот мир. Это почти, как умереть, – подумал он.

Когда пришел домой, откупорил бутылку коньяка. Достал из подвала соленых грибочков. Включил комп, набрал в поисковике «как выжить в джунглях». Потягивая напиток из граненого стакана, представлял жизнь в тропиках, под палящим солнцем, у моря. За окном стояла промозглая осень, по небу лениво ползли серые тучи, накрапывал мелкий холодный дождь. Казалось, что мир повернулся к Василичу самой неприглядной своей стороной. Как будто чувствовал, недолго им оставаться вместе. Постепенно напряжение отпускало. Захмелевший

Василич, насытившись экзотическими видами, переполз на диван, накрылся ватным одеялом и крепко заснул.

С утра пошел новый месячник с устоявшимся уже режимом: утром – полетная тренировка, весь день – изучение новых технологий, зарисовки, конспектирование в тетрадке. В перерывах – редкие походы в магазин за продуктами.

Ближе к концу месяца в дверь снова постучал участковый.

– Здравствуй, Иван Васильевич! – немного пригнувшись в дверном проеме, в дом зашел Никита Владимирович.

– Здравствуйте, начальник, – сердце Василича сжалось от недобрых предчувствий. – Заходите. Рад видеть.

– Вижу, что не рад, – махнул рукой полицейский. – Не криви душой, дорогой. Но поговорить надо.

– Давайте поговорим, коли так, – Василич смел рукавом хлебные крошки со стола и предложил участковому скрипучую табуретку. – Отчего же не поговорить? Что случилось на этот раз? С прошлой нашей встречи ни с кем не ссорился. После восемнадцати ноль-ноль не стучал, не пилил и не сверлил.

– Да, все верно, – полицейский снял фуражку, поправил волосы. – Соседи на этот раз ни при чем. Жалоб нет. Я, если честно даже удивился, когда на вас, Иван Васильевич, пришел запрос из Германии. Вам знаком этот конверт?

Никита Владимирович достал из сумки свернутый вчетверо лист бумаги. Аккуратно развернул. На листе красовалось ксероксное изображение конверта с адресатом получения: Германия, город Мюнхен, улица Блюменштрассе, дом восемнадцать...

Василич почесал грудь сквозь шерстяной свитер. Сказать, что удивился, ничего не сказать. Выдохнул, закрыл лицо ладонями.

– Узнал? – участковый пристально смотрел на реакцию Василича. – Знакомый конверт? Вижу, что узнал.

– А если не узнал, тогда что? – Василич все не мог решить, как же себя вести с полицейским. Наглеть или наоборот – по-кошачьи ластится.

– Тогда плохо, – полицейский достал чистый лист бумаги и ручку. – За дачу ложных показаний и соучастие со всеми вытекающими обстоятельствами, сам понимаешь. Могу добавить, что на почте я уже был. Там конверт опознали. Все рассказали, кто приходил, когда приходил. Протокол опроса составлен. Так сказать, свидетельские показания собраны. Дело за малым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.